

Еремей Власов

Во свет

Тропа духовного мира

Еремей Власов

Во свет. Тропа духовного мира

«Издательские решения»

Власов Е.

Во свет. Тропа духовного мира / Е. Власов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748794-2

Юные друзья влахи Светозорь, Зарен и Илия избраны Светлыми Богами и Верхними Духами для спасения своего и многих других миров от дланей зла, дабы остановить многочисленные орды Властителя тьмы Цхератоса. В канве бытия образуются щели, миры перекрещиваются, образуя проходы, ведущие в скрытые миры.

ISBN 978-5-44-748794-2

© Власов Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Тропа духовного мира. Рождение	7
Сычиха	9
Светозорь	10
Время перемен	12
Имеющий слух	13
Кулла	15
Хранитель	16
Алой	17
Посланники	18
Изломы	20
Переход	21
Дух-хранитель	22
На поляне	25
Саломет	27
Схватка	28
Нежданный гость	32
В поле	35
Цепи и кольца	40
Волохи	41
Новая битва	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Во свет
Тропа духовного мира
Еремей Власов

© Еремей Власов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Небо... Бескрайняя просинь, уводящая в далёкую даль, в ту, что нельзя охватить ни взглядом, ни мыслью. Как притягательна эта лепь, рождённая за тысячу эпох до появления человечества; во времена безвременья – духоправляющую эру, уводящую в скрытый Мир, в тайнопись нашей матери Земли, праматери всего сущего на планете.

Небесная белизна – молоко, что пролилось из вымени белобокой коровы. Кто знает для чего пришла эта корова и что несёт с собой, но сияние её глаз, я часто вижу на рассвете, когда трава вскормленная росой отдаёт дань, прикасаясь к её пурпурным зрачкам. А может, кто-то гонит эту корову на лилеющие луга жизни, где зарождается свет, в оторопи тьмы, в купели очищения души.

Небо несёт исцеление тем, кто готов к нему, кто чувствует свет подкожно, фибрами. Как мало дано человеку и как много дано небесам, что стелятся над нашими головами, пеленая в свои молочные вязи. Там ответы на вопросы, не подвластные ни времени, ни пространству; бытиё бытия, первооснова рода.

Тропа духовного мира. Рождение

В крике рождается жизнь, так говорила бабка-повитуха, при моём рождении. А кричал я истошно, не переставая, но не от боли при появлении на свет, а от самого света, который увидел перед собой – ведь дарован этому Миру был в поле.

Тётя Маланья (сестра матери), убежала за повитухой в деревню, пока мать корчилась от боли и стонов. Родила меня мама перед обедней, обессиленная и почти бесчувственная еле смогла меня прижать к себе, а я дрожал и вопил, в кровавой плёнке, с кнутовой пуповиной, которая мешала моим ножкам и телу, но не глазам, я взирал на зеленеющее море и тонул в её ладной красоте.

– Родила, господи, родила! – задыхаясь, кричала Маланья.

А за ней, прихрамывая, спешила Сычиха (повитуха), сколько ей было лет – не знал, пожалуй, никто в нашей деревне, но говаривали, что ещё леса были малые, а реки спящие, а она уже жила и помогала роженицам, да и простому люду. А с виду больше полувека и не дать было. Сычиха была очень щуплой и поджарой, с небольшой сединой на висках, но сами волосы хранили смоль – свет ночи, как говаривал люд. Взгляд её зелёных глаз, пугал многих, но не меня, был в них свет, свет солнечной длани, а не болотная мёртвая топь.

Бабка отрезала кнутообразную веревку (притом сделала это так проворно и легко, что я этого не заметил), отсоединив тем самым меня от материнской искры, впустив новую искру, пламень праматерей самой земли.

Затем смазала место пупа вязкой желтообразной мазью и принялась что-то нашёптывать, прислоняя ко мне веточку берёзы, обрезаемая луговой стынью. И было в её речах что-то знакомое, но забытое, забытое до рождения, но сохранившееся в глубинах духа. И это что-то окрыляло, наполняло светом и ладом, мощью идущей от её взгляда.

Мою мать, в миру Ольгу, Сычиха напоила настойкой, не знаю на чём она наёживалась, но не пролетели ещё облака над моей головой и трети пути к лесу, а мама уже пришла в себя и целовала мне ручки и ножки, омытые ключевой водой, за которой в лес бегала Маланья.

– Как назовёшь? – с необузданным интересом спросила Сычиха.

– Бабушка, подскажи, я с природой и светом не так близка, как ты, тебе ведомы многие знания.

– Назови Светозорем, у него искра Велеса в сердце, а душа небесная, посланная в Мир на поиски, на ответы тайных вопросов, – молвила бабка, устремив взгляд вдаль, за синеющий горизонт, где теряется время и обретается суть.

– Пусть будет так, с небесами не спорят, – кивнула в согласие Ольга.

– Помни только, путь у Светозоря большой, много дано ему познать в жизни, многому научиться. Свет ему будет братом, а тьма сестрой; хворь и напасть будут обходить его стороной, – вздохнула Сычиха и продолжила, – но есть сила, неподвластная духу, что владеет сердцем и окольцовывает душу, она его может погубить, но может и воскресить. Путь у каждого свой и давно написан, да есть тропы обходные, тропы разные.

– Спасибо, бабушка, не знаю, как тебя отблагодарить.

– Твоя благодарность – свет души сына твоего, что будет озарять людей, как алая денница золотые поля и сливовые леса в предутренний час.

Откланялась Сычиха, поцеловала меня в правую щечку и шепнула слова прощальные на ухо, тепло стало от этих слов и сразу в сон потянуло, уснул я на руках материнских. А проснулся уже в избе, в люльке, надо мной стояла Маланья, качала и пела колыбельную, песня разливалась по моей кровушке и грела изнутри, достигая сердца ладною волной, волной любви:

Сон да Дрёма
По качульку брела,
По качульку брела,
К сыну в люльку забрела.
Лелюшки-люли,
Прилетели голуби,
Стали гули ворковать-
А сыночек – засыпать.

Мама спала рядом у печки, укрытая тёплым одеялом, но не грело оно совсем, мучили её тяжкие сны, чувствовал я это, ощущал, как страх чёрной паучихой пеленает душу, плетёт стальные тенёта, арканит уставшее сердце матери. Как будто предчувствовала она грядущие перемены, перемены с коими и время не в силах совладать.

Сычиха

Время, то бежит как поток с гор, несущий с собой разрушения и погибель, то струится по лесным травам, журчащим ручейком. Есть ли начало времени или её конец, кто знает...

Дом Сычихи напоминал землянку, почти полностью скрытую под насыпной землёй, на сторбленной и покосившейся крыше были видны прорехи и щели, как и щели Бытия, они, взирали на этот Мир, чего-то ожидая, но чего...

Удивляло внутреннее состояние дома, не было ни печки, ни стола, только пыльная земля и полусгнившая скамья, на которой не то, что спать, сидеть было невозможно. Кажется, что и животное здесь не ютилось, не то чтобы человек.

Сычиха знала много тайн и ведала о многом, она была избрана хранителем, ведуньей. Выбрана не людьми, а временем. Любую хворь и порчу, она лечила и умела общаться с Миром духов. С Миром, скрытым для тех, кто видит и открытым для тех, кто созерцает каждое дуновение ветра, ощущает каждую росинку при свечении луны, каждый блик солнца на водной глади.

Рядом с домом росли несколько молодых берёзок и тополёк. Берёзки окружали тополёк, как молодые девы-купавы увлекали бравого парня в свои озёрные объятия. Изгороди не было, можно сказать, её заменяли многочисленные кустики малины и смородины, от них шёл одурманивающий аромат, он касался самых потаённых уголков души и окрылял их, как может окрылять лишь одно чувство на свете, чувство искренней, девственной любви. Аромат любви не имеет объяснений, он очищает, неся свет, погружает в лад и несёт этот лад в каждой новой яголке, в каждом листочке к колыбели солнца.

Самой Сычихи не было и духа, создавалось впечатление, что уже очень давно хижина служила лишь её пристанищем.

Всяк, кто появлялся рядом с землянкой бабки, не мог докричаться, ему приходилось, и порой долго, ждать ее прихода. А появлялась она обычно со стороны леса, порой с платком, полным различных трав и божениц, а иногда с корзиной полной ароматных и крепких лесных грибов. Её приход сопровождался пением тишины, когда всё вокруг молчало, но в сердце и душе лилась обвораживающая, пеленающая мелодия. Но почему-то большинство люда отпугивала эта мелодия, страшила. Почему свет страшит и пугает, кто знает...

Куда ходила бабка за травами да грибами, ведомо было только бирюзовым небесам. Часто она отсутствовала по несколько дней, но как магнитом её тянуло к роженицам, если где в близких селениях ждали появления дитя, Сычиха всегда была у своей лачуги, ждала и знала, что придут за ней, она всегда поможет и медяка не возьмёт за работу. Свет детских глаз и румянец на щёчках были её главной наградой.

Сколько тайн таит земля, на которой стоит лачуга бабки, не ведомо-то люду, но не мало. Много скрытого скоро откроется, странное обретёт суть, всему своё время и своя тропа...

Светозорь

Как величественен закат, когда лилеюще-пурпурное море накрывает кромку горизонта, бьётся алыми волнами о макушки чернеющих сосен, пеленая их в природную пуповину, которая хранит и лелеет своих детей. Травы выгибают гривы, трепещут, как вольноладные жеребятя, не подвластные обыденному течению жизни, а облака завораживают своим полётом, притягивают янтарной ржавчиной, сукровью небес. Выше, рассыпаясь мириадами медных искр по смоленной оболочной канве, бьются сердца Творцов и Богов древнего Мира (забытого, но не закрытого), их пульс дарует свет, их время – безвременье, а жизнь – вечность.

Светозорь был поглощен закатом, взгляд его жил небесной сетью и, казалось, сам был этой сетью. «Кто же сплёл такую красоту? Многих ли она пленила, высасывая у одних духовную мощь и даруя её другим?» Эти вопросы не давали покоя избраннику небес.

Статным парнем стал Свят, плечист, ладен, высок и силен не по годам, мог подковы руками гнуть, да цепи рвать, но добр был внутренне и по напрасно свою силу не показывал. Взгляд Свята был ясный, цвета воды озера Глай, что поили десятки родников и рек (озеро то, было для народа влахов священным, они считали, что оно соединяет души предков с их душами).

Влахи не имели чёткого строя и распределения, включали в себя несколько селений, общей численностью не больше тысячи человек, был глава Арот, что и управлял поселениями, но особой власти не было, люд сам распределял обязанности и работу.

Старейшина давно заприметил бравого паренька Светозоря, чувствовал его внутреннюю силу духа и природную стать. «Ох, и силён парень, косая сажень в плечах. Таких воинов земля рождает раз в пять, если не десять поколений. Он мне очень пригодится в будущем», – думал влах, любуясь юношей.

– К тебе обращаюсь я сын небес, слушай и внемли! Речь моя искры, что разожгут огонь внутри тебя, откроют твои вежды, даруют мудрость Великой Матери, чьё имя стало забытым, но чья воля живёт в каждом живом существе, в каждом семени, в каждом блике.

– Кто ты, пошто тревожишь мой сон? Почему зовёшь меня так? И сон ли это?

– Неважно сон ли это, как и неважно кто я. Древние Боги даровали тебе жизнь, чтобы ты постиг истину небес и спас свой народ и другие от вымирания. Чёрной татью ползёт зло, не имеющее имени и лика, оно иное, не из этого Мира. Ты избранник! Скоро начнётся путь, путь, ведущий в никуда, но он единственный. Скоро, очень скоро...

– Я, избранник? Избран Богами, как это возможно? Ты не ошибаешься?

– Что начертано на скальных рунах горы Богов Ор, то сбудется (по воле или без воли твоей), путь уже обозначен. Близится время перемен, прими сию весть и жди небесных знаков, они подскажут путь.

– Я буду ждать знаков, если так велено небом, то так тому и быть.

– Так и будет, сын небес! Помни, даже камни умеют плакать, а зелёные травы шептать. Жди. Всему своё время, всему свой черёд.

Проснулся Свят с лёгкостью на душе, с внутренним покоем, как будто душа журчала, как прохладный ручеёк на заре, стремящийся к своей родной и любимой матушке речке. Тишина наполняла дух избранника и пеленала в прохладу раннего утра. Утро выдалось хладным, дышащим, но первые лучи грели своей внутренней красотой, обнажая взгляд юной денницы.

– Лепота! Как же я тебя люблю, медноокая зарница! – закричал Свят, ступая босыми ногами на шелковые луговницы травы.

«Сон ли то был или нет, что за чудные виденья, нешто я избран вечным небом? Почему я?» – Думал Влах, вспоминая провидческий сон.

А день начинал свой длинный путь, провожая одинокую фигуру своим бездонным взглядом.

Время перемен

Как белизна окрашивает седеющее небо в тона благолепия, так и судьба пеленает жизнь в раскрытое одеяло перемен, перемен грядущих, ждущих своих жертв и героев, властителей и рабов. Безмерно горнило Богов, всякого удостоит вниманием, но не каждому дарует своё тепло и свет.

К своим семнадцати годам Свят обрёл друзей, но и немало врагов, скорее даже завистников, больно ладен и статен был избранник небес. Самым близким другом и соратником был Зарен, сын инока. Не по годам мудр и хитёр был юноша, особой силой не обладал, но смекалкой одарила сама Лада, не иначе, тем и снискал уважение в людях. Зеленоглазый Зар славился и умением охоты, да рыбалки. Бывало пять рыбаков, да три охотника приносили меньше добычи и рыбы, чем один хитрый, да улыбочивый юнец. С голопятого детства сдружились два Влаха, и были не разлей вода, почти всегда вместе, друг другу были опорой и подмогой; сила и стать одного вплетались, как стебельки костынь-травы, в хитрость и умения второго.

– Здорово, брат! Зар, чем таким занимаешься с самого утра?

– Здорово! А это секрет, нельзя секреты сразу открывать, а то Позвизд услышит, да развеет сию тайну на всё поселение, тогда и смысла не будет.

– Хитрец ты, нашёл, чем откреститься. Ну да ладно, не с этим к тебе пришёл. Помнишь, я тебе год назад про вещий сон сказывал, так вот повторился он, и скоро черёд идти нам в дальние края, так велено небом и древними Богами.

– Да, помню. Мне ведь тоже, приснился странный сон, три лебедя опустились на лазурную гладь озера, а с берега пополз вязкий жёлтый туман и сковал он птиц в свои сети, кричат, трепещут горловые, а он их тянет вниз, к самому дну, а дна нет, лишь чёрная вязь. Тонут лебеди, поглощает их души тьма, а свет иссушает дыхание мерзкой Маньи – болотная вонь смерти.

– Говоришь три лебедя? И мне Голос сегодня ведал про третьего спутника из нашей деревни, что камни у озера Глай подскажут его имя. Пугает то, что не знаем мы его, вдруг он чужак в помыслах и делах своих, много скверного народца среди Влахов.

– Да, чуждых хватает. Ты мне брат, а он неизвестно кто, да и коли известно, всё равно далеки мы в мыслях и деяниях. Но с Богами не спорят, что писано небесами, не нам люду ошпаривать разгорячённой и неокрепшей речью своей.

– Ты прав, Зар! Я рад, что ты мой друг и люблю я тебя безмерной, ладной любовью!

Обнялись братья по духу, как братья по крови, а день начинал свой разбег под музыку белоснежных птиц животворных поднебесных рос. Светолад – благозвон двух горячих сердец, двух искр Божьего костра.

Имеющий слух, да услышит – мудрость, уходящая в века и веками вписанная в летопись жизни, в границы нашего, да и не только нашего Мира. Небо выткано белым ситцем и лишь небольшие горошины синевы пронзают сию лепь, проникая в глубины скрытого, в колыбель, что поглощает взгляды и души. Не эта ли белоснежная мантия соединяет Миры, рождая тропы, тропы познания или тропы отречения. Кто знает, что ожидает там, на перекрестье и куда ведут мосты, судьба укажет путь, а путь откроет свет, свет безграничности и ладоволия, ведущий, а не ведомый...

Имеющий слух

Слово дарует и отбирает жизнь, рождает и умерщвляет человеческий род, доносит силу небес и огненные кольца Матери Свар – девы со сливовозлатыми волосами, в Мир, что посути и не достоин слова. Не зря молчат требы топей, да косищ, не удостоены они речи, хотя ведут своё летоисчисление ещё со времён Перерождения духовного начала в начало телесное. Слово не имеет лика, но имеет дух, дух чистый и открытый, окрыляющий на ратные подвиги и героические вехи. Пляшет свеча жизни Санна, Тризорь кутает её в мрамор распутных простыней Асты, Богини духовного Мира Ирий. Имеющий слух, да услышит; владеющий речью, да молвит...

Если можно было охватить косматую девчину Денницу за космы и налюбоваться её совершенной и светлой красотой, вдохнуть её медынный аромат, прикоснуться к бархатной коже, то и тогда бы она не пленяла, как юная дева Илия, что пятнадцать вёсен назад появилась на белом свете в поселение Влахов. Как утренняя лебёдушка купается в озере Глай и пьёт жизненную вязь из млечных облаков, так Илия танцует, поутру, в росяной стыне, а медноликая Сва любит её лепью, небесной благостью.

Любит Светозорь Илию, но боится признаться, а в груди пылают тысячи костров и в каждом миллионы искр – небесных звёзд одного сердца. Прячется поутру в лесочке избранник небес и наблюдает за юной девой, за танцем любви в окоёме густеющего молока. Пленяют и волнуют обворожительные движения, бархатная кожа и единство с природной вязью. Богиня в телесном обличье светится и смеётся, смех наполняет душу Свята ладом и, как полноводная река, питает каждую клеточку тела блаженством.

Оглянулась Илия, обвела взглядом окрест, не увидев никого, решила, и скинула бело-снежную сорочку на травушку, обнажив тело и душу перед разбрызганными веждами Светозоря. «Боже мой, если может быть совершенная красота, то вот она! Нагая, как при рождении, танцует по росе и не ведает, что я наблюдаю за лучезарной красотой, за благодатью святых небес». Совестно стало избраннику Богов, спрятал он взгляд, а лёгкая волнующая волна страсти охватывала всё сильнее тело, владело подкожно, плескалась в животе, накрывая и отпуская.

Умывшись росой и натанцевавшись, Илия надела млечное одеяние, нагнулась и поклонилась уже сереющему небу. Светозорь лежал на траве и боялся шелохнуться, опасался небесных стрел, что осыпят его за вожделение, за неприкрытое желание овладеть юной красавицей, увести её по тропам невиданной любви, в Мир, не имеющий ни границ, ни пространства, ни времени.

Проливалась бирюзовым ручейком песня, что воспарила, как птица Руи из вечного Ирия, с медовых уст прекрасной Илии:

Ты дуброва, моя дубровушка,
Ты дуброва моя зелёная,
Ты к чему рано зашумела,
Приклонила ты свои ветви?
Из тебя ли, из дубровушки
Мелки пташечки вон вылетали —
Одна пташечка оставалась,
Горемычная кокушечка.
Что кокует она и день, и ночь,
Не на малый час перемолку нет,
Жалобу творит кокушечка
На залётного ясного сокола,

Разорил он её гнездо,
Разогнал её малых детушек
Что по ельнику, по березничку,
По часто леску, по орешничку...

«Ай да дева, ай да красна! А сердце всё ноет, и рвут его когтями лешатые межевика, опутывая стернёю с полей, сковывая в сети лыковой травницы. Не жить мне без юной Илии, не жить». Лежал на траве Свят, смотрел за удаляющей фигурой молодой девицы и грустил. А грусть плела кружева, посолонила вязь тоски, на пылающем от любви сердце.

Погрузился в сон избранник небес, а пробудился, уж солнце жгло небосвод своим искрящим крылом, манило в белила небес, усыпая солью лазурную просинь. Всплыли в буйной голоушке несколько загадочных слов, таинственных, как песня пленительной Лады, слов:

В рцы белёсые дали,
Где от капищ алтарь.
Сотни солнц обретали,
Цвета крови янтарь...

Откуда пришли эти слова, то небом ниспосланы или балуется хранитель Ведогон, а может Сонная Девка балуется?! Кто знает, не изведаны тропицы сна, куда они уводят, да откуда ведут...

Вздыхнул Свят аромат огонь-травы, взбодрился, духом окреп. Подошёл к берегу Священного озера Глай, склонил голову, испил родовой воды, как окольцы почек по весне набухли плечи и ноги юноши, очи озарились силой распутной Денницы, вернулась непоколебимая стать.

Налетел Тризорь, взлохматил гривы травам, пронёсся по волосам седеющего неба, окутал Межевиков, да Купав стылой прохладой. Зашептали камни Священного озера: « Слу-ша-а-ий. Тут твоя избранница, тут и третья ветвь дерева Мога, древа света и небесной тиши. Слу-ша-а-ий».

– Илия, моя родная, моя светлая и любимая!? Почему она? За что? Для неё путь этот смертельно опасен...

Чуть ли не рыдая, слушал шёпот камней юноша, но судьбу не обойти, путь начертан, время близится...

Имеющий слух, да услышит.

Кулла

Тьма наступает, как миллионные стаи чёрных воронов Нгароса, жгущих на лету жизнь, высасывающих свет душ, очерняющих радужность духа. Паучихи смерти ждут своих жертв, висят на нитках мыслей в охмелённых и отравленных головах, вспененных ядовитыми всплесками спеси и гордыни. Притягателен мрак – побратим тьмы, он расплзается подкожно, от него густеет кровь, меняя свой цвет. Страх меньший брат тьмы, по сути, труслив и непостоянен, но именно он чаще других уносит души в Царство Эгос, безликое царство, где падшие и неокрепшие души влачат своё существование.

– Ланде рэх пангор, Цхератос, Саломет, Кхар, Нгарос, Тинтасокгат. Придите древние Боги Тьмы, Хранители Тёмного Царства Троемирья Эгос. Лхандэ ян, Лхандэ ян...

Не умолкал инок в чёрном балахоне, тень его плясала у костра таинственный танец Чёрных Вдов, Матерей питающихся детскими страхами, вселяющих мор и гнус в неокрепшие тела и души. Фигура инока двигалась в такт словам, руки поднимались и резко падали, как будто рвали воздух стальными когтями, впиваясь в остатки света, что скрыт в густеющей тьме.

– Индзо лкале, лкале яр, яр галле...

Образ чёрного незнакомца затрясся в необузданном танце, искры от костра, казалось, прожигали его душу, проникая в неё, внося гнилую тьму, тьму веков. Сам Кулла жил в сердце инока, точил в душе острый кинжал камнем Торос, камнем вселяющем личинки смерти, что копошились внутри чернеющих трещин.

– Явитесь Чёрные императоры, демонницы и пастыри Вечных снегов Гневных пустошей. Ниспошлите письма гнойниц Ягона, перстом Цхератоса укажите путь. Индзо лкале, лкале яр, яр галле...

Завыла демоническая выпь, ударила в подземные тары нежить, всколыхнулся лес, озарились кроны елей фиолетово-красной медью, возопил гнетущий глас:

– Я сын твоего господина, Кхар, повелевающий срединным Миром Ян, что ты хотел, земной червь, от Тёмных Властителей? Не молчи, иначе спалит твою душу ярый огонь преклоняющий идущих.

– Кулла овладел моим духом, он зрит перемены, взывая к Вам, Тёмные, с просьбой воссоединения Мира Духовного, Мира Земного и Мира Скрытого. Свеча догорает, где падает воск, образуются щели и прорехи, через которые возможен переход в Троецарствия.

– Кулла для нас раб, в нашем Мире подобных тысячи тысяч. Но прорехи Миров интересны Великому Цхератосу. Мы свяжемся с тобой, низший. Готовься к встрече с посланником Миров, жди его у перекрестья в третий сечень седьмого ряда огненного календаря.

Низко склонился инок перед демоническим голосом и прошептал:

– Я буду ждать, буду ждать Вашего посланника, Великие Властители.

– Дзако лхасе, Кулла. Прощай, низший, – Громогласно завершил Кхар.

Небо вспыхнуло, как лучина. Тьма осветлила ярим светом кромку сторбленного от гласа леса, макуши елей стали чёрными, а земля под ними покрылось алою золою – сукровью, связывающей Троемирье.

Костёр потух, инок лежал, как сморённый зверь, царила тишина, пугающий покой, таящий страхи, немислимо чуждые страхи...

Хранитель

Где есть свет, там присутствует тьма, она вплетается в канву, разделяющую грань открытого и скрытого Миров.

Тысячи паучих плетут мантию Мирозданий, их цель – созидание и продолжение пути, пути ведущего в бесконечность, бесконечность, не имеющую пространство и уж тем паче времени. В скрестье нитей скрыты Миры, Мир людей лишь один из тысяч, что трепещутся на животворных паутинках. Паучихи находятся в постоянной работе, Свеча Жизни освещает арахнид и паутина тянется, вязкой тягучей лентой к колыбели всего сущего. Открытые Миры находятся на освещённой Свечой стороне, скрытые – на затемнённой.

Сычиха сидела на поляне, солнце лениво ползло на пригорок, грея обнажённые руки древней дубравы, проникая в каждую пору, в каждую клетку матери природы. Невдалеке от своей лачуги, сидела Сычиха, бормотала что-то невнятное, слова жили своей жизнью, переливались журчанием ветреных ручейков, теряясь в птичьём многоголосье. Солнце набирало силы, и трава отдавала свою стынь Белобогу в дань рождения нового дня.

– Лейла соиль лья, мелила лой. Селина, Вальолин, Алой

– Ответьте Боги СВА, Боги Духовного мира Лайо, скрытого под пламенем Вечной Свечи, пришло ли время моё?! Я, Хранитель мира людей, пришла к Вам за советом, вразумите моё тело и напоите дух.

Небо молчало, молчание хранимое Богами означало лишь, что все ответы и вопросы уже сказаны, а пути определены. Мир Духовный не подвластен времени, он как парение птицы, крылья подчиняются струям тёплого воздуха и внутренней свободе птахи. То вниз, то вверх взмывает светлая птица, ныряя и забавляясь в потоках вечной синевы, так и время забавляется судьбами в потоках, уносящих мимолётные годы, вплетающиеся в века, века в тысячалетья, тысячалетья в эры.

– Я принимаю Ваше молчание Духи, как напутствие и согласие. Благодарю за тишину и покой, хранимые Светлым миром Лайо. Соиль яльон улья Селина, Вальолин, Алой.

Но на душе у хранителя не было спокойно, сердце трепетало на подорванной нити, качаясь из стороны в сторону, погружая дух всё глубже в мёртвые воды реки Тьмы, впадающей в озеро Вечность. Знала Сычиха, что грядут перемены, и в самое ближайшее время сойдутся точки Троецарствий, и откроются скрытые врата, явив перекрестья Миров.

«Спокойствие лишь приближало бурю, которой не будет конца и края, в которой каждая капля дождя при полёте будет расти, беременеть и оседать чёрной смолой на уставшие души, рассыпаясь на мириады брызг, ядовитых частиц, прожигающих духовность человека. Пришло время Святозора и его соратников, им понадобится моя помощь, но не в телесном обличии, а в духовном. Лишь бы Боги были милостивы и помогли свету пробиться из тьмы...»

А солнце продолжало своё недолгое путешествие к кромке, венчающей поля и дубраву своей белоснежной улыбкой, сиянием зрелого дня, и лишь щебетание небесных птах обрамляло высь своими звуками, обещая лад, нужно только верить и вера воздаст должное, ибо свет всегда был во тьме, но всегда поглощал её. То, что писано на древних стенах вечного Храма света, то не может не сбыться.

Алой

Дух – сила внутреннего Мира каждого живого существа, его сердце, ядро, держащее светлое и тёмное начало под своей аурой, и светотьма есть в каждом, и чем дух крепче, тем больше искр и света внутри, а чем слабже, тем больше тьмы и гнили. Червоточина имеет обличие и всегда готова захватить дух в свои силки, заточив во внутренней темнице.

Лайо – Духовный Мир, Мир, не имеющий границ и краёв, он располагается на самой освещённой стороне великой Свечи, поэтому понятие смерти там просто отсутствует, как впрочем, и жизни. Нет там и живых существ, а точнее сказать их и быть не может, ведь это Мир духов, Мир вечного света и вечного покоя.

Лайо – это Мир одного дерева, одного ствола, несущего миллиарды ветвей и веточек с неисчислимым количеством листочков, трав и грибов, что облюбовали каждую ветвь Древнейшего дерева. Дерево восходит очень высоко, в выси образуя крону, но, не оканчиваясь ей, ствол тянется выше и на запредельной высоте вырастает в то, что мы называем небом (здесь это земля, земля внизу и земля вверху, окольцованность жизни, Мироздания). От корней дерева отходят миллионы малых корней, объединяя весь Мир под одним зелёно-синим покрывалом, которое растёт и увеличивается с каждым мгновением и уходит вдаль, не имеющей, ни конца, ни начала, в бескрайность жизни. Дерево собой представляет тройственность: нижние корни и жизнь вокруг них, среднюю крону и на запределье – высшие корни. Здесь нет ни дня, ни ночи, есть лишь свет и он вечен; нет облаков, солнца и луны; живые существа также отсутствуют, как и нет рек, озёр, морей. Вместо дождя Духовный Мир и Дерево омывается миллиардами мелких капель, что образуется под кроной дерева и спадают, не только к нижним корням, но и к верхним, образуя опять же окольцованность. Весь Мир подчинён строгой иерархии, разделён на высших и низших духов, на духов посылов и призывов. Алой – Светодух седьмой краты, он не повелитель Лайо, он – хранитель её дерева, учитель и наставник низших и высших духов. Низшие духи хранят обет молчания и не ходят в иные Миры, высшие духи имеют право появляться в других Мирах и часто служат посланниками Мира Лайо. Крата – это свет, что испускает дух, седьмая крата, была бы кратой Богов, но в этом Мире нет Богов, он духовен в своём начале. Низшие духи – первая крата, высшие – третья, ступень на которую поднимаются не многие духи, пятой краты достигает лишь единицы духов, а в шестой их всего два – Селина и Вальолин. Селина – Светодух, несущий покой и тишину Мира Лайо, да и не только этого Мира, а Вальолин – Светодух с шестью крылами, единственный в своём роде, на своих крыльях он несёт любовь и сеет её зёрна во всех ближайших Мирах, в сердцах и душах живых существ. Сами духи представляют собой свечение, низшие имеют золотистое свечение и блеклый свет, высшие – розоватое свечение и ослепляющий свет. Селина – фиолетовое свечение и ниспадающий свет, всё живое ослепло бы от её свечения и сгорело. Вальолин – кровавое свечение и рассыпающийся свет, это свечение не слепит, оно оживляет, отсюда Селина и Вальолин никогда не встречаются и далеки друг от друга. Свечение Алая невозможно уловить ни одному живому. Оно за гранью восприятия, его лишь можно почувствовать, при том даже в далеке, оно опасно для существ, ибо овладевает духом и забирает с собой, в бескрайний Мир. Поэтому Алой обитает в сердцевине кроны дерева и никогда не выходит на его поверхность, тем более в другие Миры.

Посланники

Тишина сковывает ночь безмятежным духом Богини Рас, вольницей её млечной души. Сон – длани светлой, несущей покой к уставшему телу и неокрепшему духу. Всё имеет свой сон, даже камни спят в своих мёртвых изваяниях. Сны, как дети, они постоянно меняют свои очертания (не имея постоянства) и всегда теряются в глубинах сознания. При первых проблесках денницы Богиня Рас обручается с Богом любви и младости Ветом, чтобы родился новый день, новая нить Мироздания.

Плачет дева Илия на рассвете, не от горя, а от счастья, что волнами наполняет внутренний Мир, даруя первозданность и лад, возрождая нечто новое... Любовь – сеть жизни, сплетающая канву чувств в единую ткань Бытия, любви неведомы запреты, она нага в своём рождении и хранима теми, кто её оживил. Настоящая любовь бессмертна, ибо она свет, а свет первооснова вечности.

Вчерашний поцелуй Свята, в вечерней полумгле, был, как гром, поразивший сердце юной красавицы огненным пламенем, проникнувший и опаливший самые потаённые и скрытые тайны души. Его слова, жесты, лик – всё перемешалось в сознании Илии. Плачет дева от счастья, от неземного счастья и ждёт встречи, что изменит её жизнь, ведь каждому отведена своя роль в книге Богов, что писано молоком древней белобокой коровы.

Волнителен рассвет для Свята, тревожит взбудораженную душу, каждая минута рождённого дня накрывает его волнами беснующего моря любви, моря, не знающего покоя. Вчерашние признания юной деве и блеск её искрящихся очей разрешил все сомнения, понял влах, любит его Илия, и нет их любви края.

Где у края неба плачет дождь
И целует травами рассвет;
Я стою и знаю, ты прейдёшь,
Ангел мой, мой лучезарный свет.

Под покровом раненой зари
Снизойдет любовь, как благодать.
Тишина проникнет и внутри
Рай прольется, сняв судьбы печать.

И прольётся их рай, в каждой клетке вспыхнет пламенной силой и одухотворённым ладом, светом древней Свечи. Но есть и тревога в мыслях Свята, сегодня он должен будет поведать младой красавице, что писан путь и, пройти они его должны вместе и чем окончится сие путешествие не дано знать живущим на земле. У священного озера Глай начнётся долгое странствие трёх юных, но окрепших и верных друзей. Они посланники небес на медных и лелеющих полях земного Мира.

Взметнулась по ветке вверх проказница белка, купая хвост и мордочку в солнечной паутине рождённого дня. Шумят волны святого озера, стынь окутывает берега, жалит иголками распутника ветра, беснуется Позвизд, теряя свой лик при встрече с водной гладью.

– Родной мой, любимый!

Кинулась Илия на шею влаха, прильнула к груди, слушая мерный стук его горячего сердца.

– Илия, Солнышко моё светлое, свет души моей опалённой! Как же мне тяжело было расставаться с тобой вчера.

Слились уста молодых в медынном поцелуе, пронзённые искрами вспыхнувшей любви...

– Денница моя, любимая, писана рунами наша судьба, и не успели мы обрести друг друга, а великая Сва, готовит нам испытания. Этот Мир меняет свои очертания, а другие жаждут слияния и поглощения нашего Мира, и лишь мы может поменять его судьбу..., пойдёшь, ли ты, Илия, со мной в неизведанный и опасный путь, сквозь нити и ткани Миров?

– Каждый шаг с тобой, Свят – моя жизнь; каждый вдох – связь нашей судьбы и мы вместе пройдем этот путь.

«Ох, родные мои, не иначе решили и Зара раззадорить», – В мыслях думал Зар, стоявший чуть в отдалении от своих верных друзей.

– Ну, друзья мои, нацеловались, намиловались?!

– Прости, Зар. Прости, друг.

– Ничего родные мои, я бы вас ещё долго не трогал, но скоро воды озера Глай укажут нам путь и нам троим никак нельзя этого пропустить.

Втроём под сводами набирающего силу дня они ждали начала, начала неизведанного пути, и лишь белочка на ветке наблюдала за ними при свете восходящего светила...

ИЗЛОМЫ

«Когда свет и тьма встречаются, то происходит разрыв небесно-земных связей. Небо в багряных цветах смерти, в оторопи её власти, нет ни прошлого, ни будущего, есть лишь дух, дух битвы, что пропитывает каждое сердце и взгляд бьющегося.

У горы времени, на поднебесном плато Мор, состоится битва двух Миров, двух твердынь, за мирской покой людей или за порабощение земных тёмной силой царства Эгос. Сотни воронов смерти Кар, кружат над головами тысяч воинов, готовых принести себя на алтарь смерти во имя жизни, их имена будут писаны в Древних книгах и письменах, их подвиги будут передаваться поколениями, во имя света любовь возродит свет.

Нгарос привёл к плато сотни тысяч своих рабов, псо-воинов и ясов (змееподобных людей), со всех тёмных Миров собрались орды тёмных Мхаров, их количество поражает воображение, их жизнь – это боль, правит ими тьма, бездонная тьма Цхератоса...»

Изломы проявляются на бересте, меняя её цвет с белоснежно-серого в кроваво-пурпурный; тяжело Сычихе от этого, если тьма наберёт свою силу, то справиться с миллионными полчищами Нгароса будет почти невозможно. Знает ведунья, что не готовы избранники, долгий и опасный путь ожидает их впереди, и как повернётся к ним судьба, что приготовит, не дано ей знать, но Боги не оставят своих пасынков, верит бабка.

– Помоги, Богиня Лада! Окутай своим светом три юных сердца, напои их души волей небес, придай духу твёрдости. Храни их в пути, не дай запутаться в тенётах судьбы.

Молчит Богиня Лада, но береста начинает розоветь, приобретая природную вязь, дарованную небом. Слышит...

– Спасибо, Светлая! Как камень спал с души... Спасибо!

Молитвы будут услышаны, если верить. Вера – связь, приоткрытая дверь в Мир Богов, она помогает лишь тем, кто чист душой и твёрд духом; дыхание духа – свет вселенской искры, из которой может вспыхнуть благодатный костёр.

Переход

Молчит сырь-трава, хранит таинство, что скоро свершится, опутывает туманное млеко побережье святого озера Глай, то дышит родная мать Жива. Воздух пронизан тысячами нитей, готовых создать переходную ткань, скрестье Мирав. Три друга стоят в тяжкой думе, сцепив свои руки, образуя посолонное кольцо, ожидая неизведанное. Природа затихает на мгновенье, отражаясь в светлых очах избранников небес.

– О боги, смотрите! Смотрите на озерную гладь! – вскрикнул Зар.

Озеро как будто повернуло воды вспять, вода отступила от бережья, а затем подступила в вышине, но не от земли, водный вал повис в воздухе, образуя свод, готовый рухнуть на головы влахов и раздавить их бушующей стихией. На освобождённой от воды земле стали проявляться некие руны, неизвестные избранникам, в центре проступила лелеющая сеть, несущая черноту внутри, образовав проход, явно неземного происхождения.

– Светозорь, родной, я боюсь!

– Не бойся, любимая, вода хранит нас и всегда хранила. Путь открыт, и нам придётся в него вступить. Это наша судьба и судьба родной земли.

– Я с тобой, брат! – Прощелестел грубоватым голосом Зар.

– Идёмте вперёд, и пусть Боги решат нашу судьбу. Держитесь за руки, наш путь начался.

Небо сменило свои краски, насытилось чёрнотой, вспучилось, усиливая затвердевшие звуки тысячекратно, дрожали своды вод, но не падали. Бездна смотрела на героев и ждала... Всё ждало...

Первый шаг всегда сложен, а шаг, ведущий в пропасть, пугает, пугает своей пустотой и неизведанностью. Но он сделан, и три друга ступили в густую черноту, в тёмное око безвременья.

Как только герои ступили в безликую тьму, воды обрушились на побережье, разбросав свои волны, как могучие руки, на остывшие камни и травы, расширив озёрную гладь на добрых двести шагов. Под воду ушла и рыбацкая лодка и прибрежный летний домик старожила и хранителя озера. Небо прояснилось, медь пробилась сквозь мрак и осветила землю влахов, играя свою капель над вершинами старых сосен.

Сычиха стояла на горе Тэй, видела всё происходящее и была рада узреть, что избранники начали свой путь, не побоялись ни лиха, ни мору, ни орд Властителя Цхератоса.

– Храни, Вас, Лада! Пусть тропы откроют Вам всё то, что было хранимо в душах и сердцах. Илья я лал, Сельано я лей.

Переход начался, тропы освещены, пути открыты...

Дух-хранитель

Плетут паучихи сеть, тянется паутина, лопаются, образуя прорехи – щели Бытия. Крутятся Миры, соприкасаясь, перекрещиваются, меняются.

«Будто земля ушла из-под ног, и ты летишь в никуда, а мимо проносятся поля, озёра, леса. Небо меняет свой цвет из иссиня-голубого до янтарно-ржавого. Но всё как будто застывшее, беззвучное и даже безвкусное. Где я, и что вокруг меня, куда я лечу и зачем. Я – влах... Мы – избранники...»

Память врезается в мысли Светозорья острым заточенным клинком, буравит сознание. Затем отключается и сознание, темнеет в глазах и влах (как и его друзья) опадают и уходят от реальности...

Очнулся Свят на поляне, рядом лежали Илия и Зар, их сознание было ещё затуманено. Оглянулся избранник, «вот так чудь вокруг меня». Было чему удивиться юному влаху, лежали они на косогоре, но сама гора висела в воздухе, а внизу была вязкая густая пелена. Недалеко тёк ручей, спадая вниз, в неизведанную белизну. Другой стороной гора уходила за горизонт и переходила в поле, границ которого было не объять. Удивляли и блеклые тени облаков, что плыли чуть выше головы героя и имели розовато-сиреневый цвет. «Если они в горах, то почему, тут так тепло и сам переход горья в поле удивлял своей быстротой и неизменностью, где светило освещающее этот Мир?! Да уж вопросов больше чем ответов. Нужно растормошить друзей, пуцай подивятся». Не успел Свят прикоснуться к Зару, как тот открыл глаза, и побежали глаза в пляс от увиденного, как на празднике Медуницы-купавы.

– Это не Лешачиха ли балуется, протяни руку и схватишь облако. Ай, да, Велесовы чудеса!

– Что испугался, брат? Я вот тоже оторопел при сей лепоте.

– Да уж есть от чего оторопеть, Свят. Интересно, где же мы сейчас прибываем?

– Да и мне интересно. Давай Илию в чувство приведём, а потом и примемся за думы, – усмехаясь, промолвил Светозорь.

– Родная моя, Солнышко летнее, вставай. Посмотри на чудь с нами сотворённую.

Чуть приоткрыв веки, Илия увидела лицо своего суженного; провела рукой по щеке Свята и улыбнулась. Обнял её влах и поцеловал в румяную щечку.

– Вот так чудеса, как же этот Мир держится? И что там внизу? – с удивлением в голосе прошептала дева.

– Ну, вниз, думаю нам ещё рановато! – молвил Зар, рассмеявшись.

И Свят с Илией подхватили его смех, а потом, как дети стали кувыркатся и брыкаться на поляне, упиваясь своим весельем, как нектаром Богини Лели.

– Как дети малые, а ещё избранники, – усмехнулся чей-то скрытый глас.

– Кто, кто это сказал, а ну покажись? Чего прячешься?

– А ты не серчай, молодец Свят, чай не первый год по земле ходишь, мог бы и догадаться, что вас одних в столь дальний путь никто бы не отпустил. Вы похлеще девки-любавы делов натворить можете.

– Хватит смеяться над нами, выходи и покажись смельчак! – рассвирепел Зар.

– Ой, напужал, Зарен – сын инока-древана, ведуна густых мест. Мог бы показаться, давно бы уж вышел.

– А почему не можешь? – спросила Илия.

– А потому юная дева, что дух я, хранитель ваш, посланный в помощь и уразумение. Сын Ведогона я, дух-хранитель Вedom.

– Ну, здравствуй, Вedom! – поклонился Светозорь.

– И вам доброго времени храбрые путники, избранники небес, – хихикнул дух.

– А кто послал тебя, и где мы находимся? Что за дивные места?
– Места то дивные, да не безопасные, Зар. Так что держите ушки на макушке.
– Хватит уж посмеиваться, коли ты наш хранитель, то поведай, укажи дальнейший путь.
– Смел ты Зар, да хитер, а вот терпение затерял в бравых походах за рыбой, да зверем, а оно ещё ой как пригодиться. Так вот, вы находитесь в срединном Мире Тал, что находится вблизи Духовной тропы, по которой и проложен ваш, а точнее наш путь. Я Вedom, избран вашим хранителем самим Вальолинов – Верховным духом, я вас буду наставлять, знакомить с новыми Мирами, предостерегать от тенёт зла Нгароса.

– Что за Вальолин и почему он заботится о нас? А кто такой Нгарос?
– Терпение мой друг, Свят, всему своё время.
– Ты так и не сказал, куда нам теперь идти? Поведай уж, будем благодарны!
– А вот вперёд по этой тропинке, ведущей в поле, поле широкое, но к закату, думаю, осилим и его, а там будут леса волохов, местных жителей. С ними надо быть настороже, хитрющий народец.

– И зачем нам к волохам? – спросила Илия.
– А затем, юная дева, что кому-то из волохов известен путь, ведущий к духовной тропе, которую нам и нужно найти. Да, не пугайтесь племени, то полулюди-полузвери, у них кошачьи лица, а рот полон острых зубов, но нет хвостов и лап, руки и ноги, как у обычных людей. Правда они раза этак в два выше обычного влаха и дюже раза в три, – хихикнул Вedom, и продолжил, — Живут на высоких деревьях, ну то сами увидите вечером.

– А почему мы сразу не перешли на Духовную тропу?
– А потому, Зар, что паутина рвётся не всегда где нужно, а чаще где получается.
– Какая ещё паутина?
– Экий всё же ты скорый, влах, всему своё время.
– Ты вот про закат говорил, а светила не видать, как же мы узнаем, когда он будет.
– Не видать говорите, а вы приглянитесь вон туда, – дух голосом указал направление.

Вот уж и впрямь диво, в вышине, над расступившимися облаками, над полем, еле заметно, стало проявляться солнце, оно было блеклым с небольшой желтизной и оживало на глазах, будто наливалось сочью прибитых трав.

– К обедне солнце, здесь оно зовётся Сах, наберёт свою силу и станет ржаво-оранжевым, проникая в каждую пору срединного Мира, живого Мира, ну вы это ещё увидите. Завидую я вам, столько всего дано вам постичь и узнать.

– А почему облака касаются наших голов?
– А это не облака, Илия, это дыхание земли, посмотри внимательней под ноги, ты увидишь, как светло-розовые пары поднимаются от земли. Облака выше, просто день ясный.

И впрямь, небольшие сгустки блекло-розовых туманид поднимались от земли, приобретая спиральные очертания, а чуть поднявшись, улетучивались, чтобы возникнуть на небольшой высоте, приняв форму причудливых облачков, но за этими облачками, в вышине, пробивались настоящие густые облака.

– Вас, небось, интересует вопрос, а что там внизу, в блеклой пелене, – усмехнулся Вedom.
– Уж будь добр, дух, поведай, – молвил Свят.
– Скорее всего, ничего, бездонная бездна. Удивительно, но и такое возможно в таинственном срединном Мире.

– Да уж, чужь везде, завораживает!
– Ну, юные избранники пора нам и в путь собираться, а то засиделись.

Избранники небес пошли в сторону поля по небольшой утоптанной тропе. Предгорье не хотело отпускать гостей, буквально через сто шагов встал густой и высокий травостой, ржаво-медного окраса, тропа исчезла, словно её и не бывало. Зар и Свят стали прорубать

густоту серп-мечами, (оружие владов передавалось по наследству и имело родовую чеканку), хоть и остро было оружие, но продвигались путники очень медленно.

– Вот ведь дебри непроходимые, видно Лесная девка решила повеселиться, да позабылась.

– Да не тревожьтесь влады, уж почти и вышли, ещё шагов триста и выйдем к поляне Грёз, там и отдохнёте. А я вам был про сие место поведаю, многие места здесь имеют свою историю.

Ложится травяной загривок на землю и сразу темнеет. «Ещё одна чудь» – думает Зар. Пробиваются путники сквозь огне-траву, вот уж и поляна виднеется, охватывает их души вдохновение, таинство чего-то близкого, родного.

– Илия, спой нам, веселее будет, да ладней.

Запела дева песню, песню вольную, духоводящую, радует Светозоря избранница, пьянит светлая любовь, рождает мечты и желания.

Подуй, подуй, погодушка,
Низовенькая,
Раздуй, раздуй, погодушка,
Калиновой куст;
Калинушка со малинушкой,
Лазоревый цвет.
Весёлое гуляньеце,
Где мой милый
Дружок живёт.
Он пить не пьёт,
Голубчик мой,
За мной, молодой, шлёт.
А я, млада-младёшенька,
Замешкалася.
За утками, за гусями,
За лебедями,
За вольной пташечкой,
За журинькою.
Журавлюшка по бережку похаживает,
Ковыль травку шелковую
Пощипывает,
За реченьку за быстрюю,
Подглядывает...

– Ай да, ладная певунья! Как воды реченьки, вплетаются слова в сердца героев, переливаясь цветностью и мерцая в душах! Млада, да не младёшенька, юная Илия!

– Спасибо, Вedom! Да то не я пою, а природа осиянная, а я лишь подпеваю.

– Скромна, да ладна! Радуй, радуй, красавица!

Вот и легла последняя грива огне-травы на землю, вздохнули от облегчения путники, встали на поляне, да и рты пооткрыли от восхищения, обмерли, как истуканы...

На поляне

Поляна грёз называлась так не случайно, любой путник, ступивший на неё, погружался в мысли и видения, теряясь в своих фантазиях и мечтаниях. Как паутина оплетает ветви деревьев, так и грёзы сковывали взгляды и мысли пришедших, а плоды видений виднелись повсюду, но кто обратит внимание на сотни костей и тысячи лоскутов одежды разбросанных по поляне. Ведь сладкие грёзы туманят, а туман смерти обнажает иллюзии, а ни неприкрытую быль.

Тысячи тысяч цветов лазуревато-мареновой окраски, буквально парили над поляной, расправив свои медные крылья, подобно мириадам рождённых паривших бабочек. В аромате их соцветий было то, что заставляло опускаться к ним всё ближе, вдыхая волнующе-бушующий воздух, заряженный грёзами и видениями. Цветы, то поднимались, то опускались, качаясь на млечных паутинках судьбы, судьбы погребённых под их переливчатостью людей, а также неуспокоенных и не нашедших своего пристанища душ. Поляна – цитадель смерти, ждущая своих жертв, расставив смертельные капканы, и ни один живой пока не уходил из цепких объятий вечного сна. Дом вечного сна – безвременье срединного Мира Тал.

«Как причудливо они кружатся, переливаются, аки сочьи цветы-бабочки. Так и хочется погрузиться в их сказочный волнующий танец, раствориться в безумии и позабыть про всё. Эта поляна и есть Ирий, земля тянет своим светом к земле, прижаться бы к ней навсегда, слиться в единство и обрести себя, ведь обретение тут, и жизнь здесь, и смерть – всё едино... Едино...»

– Ну, вот и избранных поляна затянула в свои цепкие объятия. Что бы вы без духа-хранителя делали. Эх, обреле малейла, Алой! – молвил, немного расстроено дух.

Налетел на поляну ветер-гуляка, стал развеивать иллюзии да грёзы, поляна сразу уменьшилась в размерах, перестала быть большой и величественной, всего-то шагов в сто. Цветов-бабочек, как не бывало, зато обнажилась кроваточаще-гнойная душа смертельной ловушки.

– Ну, что впечатляет теперь вас, влахи, сея чужь. Я ведь предупреждал, что здесь опасно, и надо быть настороже.

– О Боги, какой ужас! Всё это похоже на пиршество воронов тьмы.

– Прости нас, Ведом! Сами себя завели в сети безумия, – молвила Илия.

То, что обнажила поляна грёз, ужасало и пугало. Горы костей (люди, животные, птицы, необычные существа), гнилой и разлагающийся запах, вонь самого Тара, вызывал тошноту и слезил вежды. В центре поляны рос огромный цветок-дерево с человеческий рост, тысячи кнутообразных трубок и миллионы нитей оплели всю поляну, то были его сети, они сковали кости и останки в единую цепь, питающуюся не только телами существ, но и их светлыми душами. Сам цветок был ярко-оранжевого цвета, зловонил и душил своей болотной вонью, внутри что-то чавкало и пережёвывало. Безостановочный процесс, пленивший тысячи тысяч, даже кости постепенно перерабатывались и развеивались ветрами. Трупная пыль покрывала не только поляну, но и ближайший лес, да и стены неприступной огнев-травы.

– Я не вправе вас осуждать путники, но впредь будьте осторожней. Здесь Мир дикий и неприступный, он жаждет своей единой власти.

– Нужно уничтожить этот цвет, дарованный самой смертью, чтобы он не вредил больше никому и никогда.

– Нет, юный Зар, всё имеет свой цикл, и этот грибоцвет Самуи лишь малый круг в среде питания Мира Тал. За всё есть своя плата, и не в нашей власти нарушать веда этого Мира.

– Наверное, дух прав, мы здесь гости, не нужно злоупотреблять этим.

– Мудр ты, Светозорь, есть в тебе искра небес и не зря избран Богами. Что удивительно рядом с этой поляной есть небольшой ручеек, он животворный. Идёмте к нему, отдохнёте, наберётесь сил, а я поведаю вам печальную историю поляны грёз.

Друзья расположились у ручья, испили прохладной воды, стынь побежала по кровушке, разбудила удаль молодецкую, напоила ладом и мощью Белбога.

– А вот вам гостинцы срединного Мира, – молвил Ведом, и появилась жареная тушка неведомого зверька, – отведайте, это Пикпик, он очень вкусный, но и очень быстрый, поймать его нелегко, не каждому ловцу, да охотнику он в руки даётся.

Вкусный был зверёк, мясо нежное, бело-розовое, на кроличье похоже, но слаще, да сытнее.

– Спасибо, Ведом! – хором сказали влахи и низко поклонились.

– Не за что! Думаю пора вам поведать легенду страшной поляны Грѐз. Не перебивайте влахи и слушайте внимательно.

«Давно это было, когда Боги и люди могли общаться между собой, а споры почти всегда разрешались согласием двух сторон. Казалось, зло не может тронуть красоту Мира Тал, но свет не может быть вечным, любой ручей пересыхает, а дерево дряхлеет и падает, так и срединный Мир попал под печать тьмы. Смерть в обличье юной нагой девушки явилась к волохам, пришедшая с ней Морена, заразила люд мором и гнусом, а посулы Морены, Сороки-Вещицы украли у рожениц детей; скот же падал от речей Коровьей Смерти, что следом явилась в загадочный Мир Тал. Взмолились люди Богам Света: Дажьбогу, Велесу и Мокоши. Снизостили Высшие в Тал, озарили светом тьму, окропили застывшие руны водой, не смогла ни смерть, ни Морена справиться с тремя Богосветами. Ушли Богини смерти, но на прощание посадили одно зёрнышко грибоцвета Самуи (страшного древа Бытия, скрытого в подземных Мирах Эгоса), что должен был расти вечно и питаться всем живым, вселяя сладкие мечты и забирая светлые невинные души. Взамен Странники ночи обещали не появляться без приглашения в срединном Мире. Такова была цена счастья и лада волохов».

– Печальная легенда, неужели это правда? – спросила юная дева.

– Грани правды и лжи порой так близки, что сложно понять, где одно, а где другое. В любом случае, избранники небес, вы здесь всего лишь гости, а время – река, бьющаяся о скалистые берега жизни и падающая с порогов смерти в вечную Бездну.

– Я рад, что нам в помощь послали именно тебя, дух-хранитель. В твоих речах много мудрости, хотя сам ты довольно игрив и, думаю, молод, – молвил Зар, – У духов ведь есть возраст? Насколько ты древний?

– А вот не скажу, хитрый влах, так как не имею право вас вводить в заблуждения и ведать о неведомом, – хихикнул голос.

– Ну и не надо, всё равно узнаю, – усмехнулся назойливый Зар.

Вспорхнула на ветку зегзица, провожая от ручья, к мелколесью, трёх смелых путников. Её меткий взгляд не упустил и того, что не пали они от грѐз поляны смерти, но ничего-ничего, подумала младшая дочь Скоропеи (в образе птицы), и вас настигнут цепи и кольца Саломета, Властителя Вечных снегов...

Саломет

Вечные пустоши Макромира Таос – цитадель Властителя Саломета, Верхнего Темнобога, жреца и воителя безвременья, хранителя Вечных снегов. Темнобог Саломет родной брат Светобога Велеса, но давно перешедший на теневую сторону Великой паутины. Янтарно-ржавая земля пустошей хранит секреты возникновения и разрушения сотен Миров, ибо является Храмом жреца. Деяния Темнобога остаются безнаказанными, так как Властитель давно разрушил Врата времени и с тех пор не подвластен Светобогам, а Боги тьмы заключили союз с Салометом, скованный цепями и кольцами Цхератоса. Лишь Император Цхератос в силах остановить Саломета, но осознание власти над всем Троемирьем не дают ему это сделать, союз заключён, и он принесёт свои плоды. Крещение огнём близится, тьма наступает и часто её атаки невидимы.

Остроконечные храмы Таоса пугают своими шпилями, пронзающими медные небеса. Тысячи червоно-мраморных статуй гаргулей и триглавов венчают своды, обрамляя царящее безвременье. Реки пустошей мертвы, чёрная желчь Макромира скопилась в их рукавах; леса, окаменели и застыли в своих однобоких думках, но в них водится зло, и уж лучше с этим злом не встречаться, ведь тьма может породить только тьму.

– Скоропея, чем ты можешь удивить своего властителя? Мертвы ли путники, осмелившиеся вступить в борьбу с силами тьмы? – голос Саломета возвышался, влетаясь в своды главного храма.

– Дочь моя, Намея, следует за избранниками. Пока они живы. Древогриб Самуя не смог их остановить, но не волнуйся, Великий, я всё сделаю, чтобы они не дошли до Духовного Мира, – прошипела змея, прижавшись к ногам жреца.

– Ах ты, мерзкая гадина! Кто дал тебе право возвращаться с такими вестями! – от вскрика Саломета трещины пошли по тёмному алтарю, а Скоропея отпрянула, чудом успев уйти от занесённого над ней жезла.

– Помилуй, жрец, ведь я к тебе явилась с дурными вестями, несмотря на свой страх, а не спряталась, как многие, в камнях да расщелинах.

– В этом твоя правда, Скоропея. Хорошо, сделай так, чтобы путники не смогли выйти из срединного Мира, мои чары не действуют на светлой стороне паутины, но помощников я тебе направлю. Трусов да лжецов предупреди, что достигнет их мой жезл, падут они в мёртвые болотные топи.

– Спасибо за милость, Саломет! Всё от меня зависящее сделаю, остановлю избранников небес, клянусь в этом в Храме вечной тьмы, – сказала Скоропея, прижавшись к мраморному полу.

– Иди, Повелительница змей, прими в дар малый зуб триглава, он поможет тебе в сложной ситуации. Пусть Тьма хранит тебя!

– Ахран, Саломет, рцынра хар!

– Харном, Скоропея, хар!

Змея, скрючившись, уползла из цитадели смерти, но шершавый гнус её голоса отпечатался в голове жреца. «Кто же ведёт путников? От сетей Самуи никто не выбирался живым, ведь грёзы так сладки и безмятежны...».

Таос молчал, храня в своих недрах липкую тьму, готовясь к перерождению зла, имеющего тысячи обличий.

Схватка

Путники вступили в зелено-лиловое мелколесье, за которым виднелись очертания широкого поля. Деревья Срединного Мира имели причудливую форму, вверху скрючивались спирально, будто жаждали слиться с ветром в некоем причудливо-страстном танце. Сотни бабочек и стрекоз раскрыли радужный ковер над головами влахов. Илия шла в обнимку со Святом, мечтая о чём-то своём, светлом. Зар оторвал небольшую веточку, достал маленький ножик и стал вырезать забавную свистульку. Запела юная дева журчащую песню, как в такт, деревья стали качаться под мелодию молодости и жизни.

Разливалась реченька,
Разливалась быстрая,
По крутым по бережкам,
По лугам по зелёным,
По травам по шелковым.
Унесло, улелеяло
Душу красную девицу
На чужу дальнюю сторону,
На чужу незнакомую...

– Не грусти, Илия, всё наладиться, любимый твой рядом, а детишками ещё Жива наградит, – молвил с утешкой-усмешкой Вedom.

– А я и не грущу, просто песня вспомнилась, мне её в детстве матушка пела – молвила дева, а Свят поцеловал её в сладкие уста, – А детишек у нас много будет или вам духам не дано то знать? – улыбнувшись, спросила Илия.

– Дано-дано, много будет, Жива щедра на ваш счет, – рассмеялся дух-хранитель.

– Причудлив этот Мир, вон и деревья странные, будто схватить хотят своими медвежьими крючками-лапами, – сказал Зар.

– Не причудливей вашего..., – усмехнулся хранитель, – Волохвы, очутись на Земле, дивились бы не меньше вашего, – молвил Вedom.

– Возможно, – сказал Светозорь.

– Странно, обычно в мелколесье от пенья птиц не оторваться, заслушаешься, а сейчас и лиха одноглазаго не слышно. Что-то мне это не по нраву, – с настороженностью прошептал дух.

– Да почти у поля, кто тут может быть! Али напужался, хранитель? – усмехнулся Зар.

– За вас, глупцы переживаю, я-то бестелесный.

Зашуршала опавшая листва, послышался, в отдалении, хруст ломающихся ветвей, а затем рык, поглощающий под своим эхом всё затихшее мелколесье. Кто-то или что-то промчалось сквозь кусты, понемногу приближаясь к путникам. Зар и Свят схватили серп-мечи, приготовились к атаке чуждого зверя, но не было и доли страха в глазах влахов.

– Илия, родная моя, спрячься за нашими спинами, – крикнул встревоженный Свят.

Девушка от испуга не расслышала крика Свята, но почувствовала и спряталась за спинами друзей. Зверь, набирая скорость, мчался на смелых героев, уже меньше полста шагов оставалось до влахов, уже могли видеть они ребристую спину зверя, чувствовать смертельную опасность в его рычании. Хищник выпрыгнул из-за кустов, застыл в десяти шагах от влахов, оскалил пасть, полную острейших зубов-сабель. Вместо шерсти, зверь был покрыт пластинками, с виду довольно крепкими, на его лисекошачьей морде горели два огненных глаза, налитые спесивой кровью.

– Скалдайский ядозуб! Откуда он в Срединном Мире? – прошептал, удивлённый Ведом, – с ним нужно быть осторожным, его слюна – смертельный яд, а убить мечом его почти невозможно, каменнообразные наросты на его коже твёрды, лезвие при соприкосновении лишь высечет искру.

– Боже мой, – прошептала дева, прижавшись сзади к Святу.

– Цельтесь в морду, в глаза, только так можно убить эту тварь, – закричал Ведом.

Зверь оскалился, издал рык, выпустив и показав остриё своих когтей, бросился на Свята. Влах оттолкнул Илию подальше от себя, сам метнулся влево, ядозуб яростно рассёк воздух, где за долю мгновения был избранник с девой. Повернув морду, хищник получил секущий удар мечом в шею, но меч лишь высек искру, и только больше взъярил зверя. Зар проворно подскочил к хищнику и ударил ему по задним лапам серп-мечом, затем замахнулся и ещё раз саданул по спине. Хищник подпрыгнул, в воздухе развернулся, прыгнув в сторону Зара, лапой сломал пару веток и затем ударил в плечо ведуна, охотник успел немного увильнуться, но когти вспороли плечо, хлынула алая кровь. Вторая лапа ядозуба сверкнула остро отточенной пятернёй и направилась в лицо сына инок-древана. Светозорь прыгнул вперёд, успев занести меч, перехватил лапу хищника на полпути до смерти отважного Зара. Отбив лапу, влах был отброшен на дерево, где обломок ветки пропорол его ногу. Зверь взревел, ощерился, немного отступил, готовясь к новой атаке. Повреждённая рука сильно кровоточила, в голове потемнело, боль пульсировала в ней сотнями стальных прутьев, всё глубже загоняя раскалённые гвозди под кожу. Зар знал, что если не сможет перетянуть руку и остановить кровь, то скоро падёт без сознания, а затем и умрёт. Со Святом дела обстояли не лучше, но ведомый духовной силой, а также опасаясь за Илию и Зара, он, почти не ощущая боли, смог выдернуть обломок ветки из бедра и принять стойку воина, готовясь к атаке беснующегося зверя. Всё решали доли секунды... Ядозуб, недолго думая, двинулся в сторону более ослабленного врага, чувствуя запах бьющей фонтаном крови, но Свят бросил камень, попав в голову хищнику и тот мгновенно переменял своё решение. Один на один застыли они, хищник и жертва, готовые принять свою судьбу, а возможно и судьбу Миров. Зверь кинулся на героя, резко его подскочил лапой по ногам, тот рухнул на землю. Не давая опомниться, хищник прыгнул на Свята, влах успел схватить меч двумя руками, подняв над головой, хищник захлопнул пасть на мече, пытаясь, мотая головой, вырвать оружие из рук героя. Зар терял связь с этим Миром, погружаясь в полусон, не слыша ни криков Илии, ни рёва зверя, ни ощущая даже запахов и цветов Срединного Мира. Лишь один шанс, им и воспользовалась юная дева, выхватив меч Зара, она бросилась на зверя и нанесла точный удар в его правый огненный глаз. Меч вошёл, как по маслу, погружившись почти на треть, достиг мозга и проткнул его, брызнула кровь и жёлтообразная жидкость, но Илия не остановилась и ещё глубже погрузила лезвие. Ядозуб повалился влево, с мечом, почти полностью погружённым в его голову, тяжело вздохнул и стал затихать...

Свят, ошарашено, взирал на поверженную тушу хищника и на хрупкую Илию, сумевшую убить ядозуба. Илия помогла подняться своему суженному, перетянула поясом его ногу, мягко поцеловала в щеку и тут же побежала к Зару, который уходил из этого таинственного Мира.

– Дух, где же ты, помоги Зару?! – взмолилась дева, с трудом сдерживая нахлынувшие слёзы.

– Я не вправе, я не могу ничего менять в этом Мире, лишь Светлым Богам по силам это.

– Зар, вставай! Вставай, ты нам нужен! – кричала Илия, перетягивая порванное в ломотья плечо влаха, – Прошу тебя, – сорвалась она на плач.

Прихрамывая подошёл Свят, он приподнял голову друга, достал мешочек, спрятанный в своей обувке, высыпал серый порошок в ладонку и осыпал им изувеченную руку героя.

– Помоги Белбог, сыну своему, придай ему силы и духа! – кричал, срываясь на хрип Свят.

Не веря глазам, Илия увидела, как кровь перестала бить струёй, а рана стала зарубцовываться. Свят сорвал пояс и осыпал свою ногу живительным порошком, рана затянулась. Боги слышали своих героев.

– Спасибо, Великие! – низко поклонился влах матери земле.

– Ай да чудо порошок! – воскликнул дух.

– Обычный пепел дерева Мия, по преданию лишь в руках чистого душой и крепкого духом, он обретает живительную силу. Мне его бабка Маланья в путь дала, говорила понапрасну не тратьте, что сила в нём лютая, лишь верой её можно разбудить и направить, вот и пригодился пепел древа, – говорил, прерываясь, Свят, – Благодарствую тебя Маланья, пусть свет будет всегда с тобой.

Зар приоткрыл глаза, взирая на Мир, будто новорождённый, теряясь в своих догадках, рыща в пробелах невосполнимой памяти. Увидев друзей, влах улыбнулся и поспешил встать на ноги, но тут же рухнул, как подкошенный. Светозорь подхватил друга, помогая ему подняться.

– Уж и не верил я в своё возвращение в этот Мир, в мыслях уже с матерью землёй попрощался. Как же так, ведь ранил меня зверь и смертельно ранил?

Не успел ни Свят, ни Илия ответить на его вопрос, как затрещали лапы-ветви, заскрежетали сотнями воплей древние древокусты, теряя под напором скрытой силы свои свежие побеги. С утробным рычанием выскочили со всех сторон Скалдайские ядозубы, шерсть на их загривках засверкала, как лик необузданного Ярила, предвещая будущую участь.

– И что теперь?! Их же дюжина?! – кричала, исходя на плач Илия.

– Держаться всем вместе, коли Белбогу угодна наша смерть, примем её стойко, а нет, выстоим и против этой чуждой силы! – громогласил Свят, прижимая к себе суженную.

Звери ощерились, готовые к пиршеству, чувствуя биения сердец жертв, зажатых в сети смерти. Яркий свет вырвался из-под земли, разделился на сотни лилово-алых лучей, ударив в глаза ядозубов. Свет разнёсся по крови, и достигнув сердец хищников, взорвал их неведомой силой, забрав души павших животных в тайные земли. Не успели Скалдайские твари сделать и рывка, как рухнули на землю, захлебнувшись кровавой пеной. Свят приоткрыл рот от удивления, не успели влахи принять, возможно, последний свой бой, а противники уже полегли, застелив своими телами всю окрестную землю.

– Дух, кто нам помог? Чья власть могла породить такую силу? – спросил удивлённый Светозорь.

– Все двенадцать, как подрубленные! – усмехнулся Зар.

– Знал бы, поведал бы, юные избранники, – с толикой нескрываемого удивления молвил дух, – Ни одному духу не под силу совершить такое светопреставление, это похоже на проделки Божественной силы, удивляет меня, и что яркий слепящий свет нисходил из недр земли, а не с заоблачных небесных вершин.

– Так ты думаешь, что Боги или Бог решили нам помочь и протянули свои длани в направление нашей стороны, – проведя по изувеченной руке, молвил Зар.

– Я думаю, что нет, точнее я даже не знаю, что и думать, – почти шепча сказал Ведом.

– А что за звери на нас напали и почему, дух, тебя это так удивило? – поцеловав Светозоря, молвила дева.

– Скалдайские ядозубы! Эти твари не живут в этом Мире, их местообитание Прибрежные земли Тёмного Мира и главное, как они сюда попали?! Кто-то явно строит козни на вашем пути, влахи.

Светило прорезало пурпур облаков, играя медью в ручейках, грея свои разбрызганные лучи, обещая тёплый и благостный день. Там в бескрайности сердца, в сердцевине ржавого солнца, был скрыт зрачок, раскалённый добела, наблюдавший за путниками с недостижимой человеческого глазу вершины.

Дабы подбодрить спутников и залечить раны их пламенных душ, Илия запела песню, песню, что поили родники внутренней свободы, бьющие в её, вспененном любовью, сердце.

Ах ты, поле моё, поле чистое,
Ты раздолье моё широкое!
Ах ты всем, поле, изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,
Ты цветочками-василёчками;
Ты одним, поле, обеспечено:
Посреди тебя, поля чистова,
Вырастал тут част ракитов куст,
Что на кусточке, на ракитовом,
Как сидит тут млад сизой орёл,
В когтях держит чёрна ворона,
Он точил кровь на сыру землю...

Так уж получилось, что путники вышли из причудливого мелколесья к тому самому широкому полю, покрытому сине-лиловыми цветами, ну почти васильками. Аликаты – так назывались чудь-цветы, обрамлённые в белёдые паутинки, а если хорошенько присмотреться, можно было увидеть, что их корни оканчиваясь, стелятся по земле, переплетаясь и танцуют на разгульном ветру.

– А песня то ладная, вон и цветы подпевают, качаясь на своих тонких стебельках, – усмехнулся Свят, обнимая поющую Илию.

– Ну, вперёд, избранники небес, пусть ветер сопутствует вам в пути! А мне нужно, на время, от вас отлучиться, но скоро я вернусь, – молвил хранитель.

– И куда это ты, бестелесный бес, направился?! – усмехнулся Зар, потирая изувеченную руку, боли не было, но чесалась рана жутко.

– Всему своё время, шутник-влах, – с этими словами голос затих и исчез.

– Эх, убежал друг мой, так и не обнявшись.

– Зар, хватит тебе язвить, лучше скажи, как ты себя чувствуешь, как твоя рука? – спросила юная дева.

– Да, ничего, нормально, зудит только, да чешется. Люблю я вас, други мои! Расцелуйте же своего Зара, паче им не отведал какой-нибудь Скалодуб! – влах бросился на Свята с Илией, пытаясь расцеловать их.

Недалёко от посланников небес кто-то хрюкнул и заворочался под синим покрывалом разбуженных аликатов. Влахи посмотрели в эту сторону, решив подойти и посмотреть на новое диво. А небо продолжало свой медленный бег, вписывая мгновения Срединного Мира в книгу щедрого на открытия Бытия.

Нежданный гость

Если бы земля могла говорить, она могла бы поведать нам многие скрытые тайны, тающиеся в её вечных глубинных недрах. Ведь именно там, где берут своё начало почти все растения и часть живых организмов Мира Тал, таился их спаситель, он не был ни Богом, ни духом. Сын Богини Живы, давно забытый Ледон, из-за тёмного цвета глаз и волос, ему пророчили стать жрецом тьмы и по сему повергли, младенцем, в пучины безликой Бездны, но и там он сумел явить себя в светлом облике. Он хранил Мир Тал, основу всего живого этого края, его семя несли миллионы соцветий древ и растений, животных и обитателей Срединения. Являя собой единую систему, отвергнутый сын Живы, породил свет, а не тьму, но Древняя Мать была непреклонна и не вернула сына назад, чему Ледон был несказанно рад, ибо его судьба и судьба Тала были переплетены сотнями животворных нитей и ниточек Бытия. Лишь появившись в этом Мире, спутники сразу привлекли внимания Ледона, он видел их чистые души и поэтому решил за ними понаблюдать. Он бы и грибоцвету Самуи не позволил одолеть влахов, но они смогли одолеть его без помощи Ледона, а уж видя исход отчаянной битвы с хищником, зауважал их, (особо юную отважную деву) и не мог позволить влахам погибнуть от зубов чуждых зверей.

– Вы гляньте на это чудо-юдо, – улыбаясь, молвил Зар, – то ли поросята научились рыть норы, да летать, то ли мы попали в дивный сон наяву.

– Какие забавные хрюшеньки! – заливаясь внутренним смехом, но сдерживаясь, воскликнула Илия.

Два чёрно-бурых поросёнка, с удлинёнными пяточками, видимо решили прорыть Мир Тал насквозь, разгребая с лихой скоростью причудливыми копытцами-плошками и мордашкой, чёрную, как смоль, землю. Вырытая яма достигала глубины, которая легко могла скрыть ребёнка лет пяти, да и ширина была не меньше. Удивительно, но путники их абсолютно не пугали, здесь редко кто бывал, и любым гостям они были только рады, прервав своё занятие, таинственные животные устремили свои золотые глазки на троих зачарованных странников. Тот, кто был немного больше других, хрюкнул и поднялся на небольших крыльях, вспарив на уровень очей влахов. Он желал новых знакомств, и три новых пары глаз пленяли его своим внутренним светом. Крылатый хрюндель облетел вокруг путников, сначала в одну сторону, а затем в другую, ни видя особой опасности, заворчал-захрюкал, видимо подав сигнал остальным, и две хрюшки присоединились к нему, вальсируя поодаль от вырытой ямы, над головами избранников небес.

– Привет, малыши, – молвил Светозорь и почесал за ушком у старшей свинки, та сладостно заурчала и лизнула фиолетово-розовым, довольно длинным язычком его руку, вызвав смех всей троицы друзей.

– Покушайте красавицы или красавцы?! – Илия, развязав котомку, положила хлеб и вяленое мясо на примятую траву, все три зверушки понюхав, с удовольствием отведали предлагаемое лакомство, хрустя и нежно чавкая.

– А ну, не трогайте моих хрютиков, они мои друзья! – прокричал кто-то слева от избранников, но оглянувшись они никого не заметили.

– Это кто говорит-то? Покажись! – прикрикнул, насторожившись, Зар.

– Покажись им, вот всегда так, коли размером не вышел, так обижать можно, – недовольно проворчал голос.

– Прости нас, гостей, мы не хотели тебя обижать и уж тем более твоих малышей хрютиков, – поклонившись до земли, молвил Свят.

– Прости! – почти одновременно склонили головы Илия и Зар.

– Вот и ладушки, совсем другое дело, – задорно, хохотнув, молвил хозяин, – Здравствуйте гости дорогие! Я, Меня, это широкое поле – мой дом, я его хожу и храню от напастей, от червоточных змеечервей и сутаниц. Гости у меня редки, вот и возмутился.

– А где ты или ты не видим нашему глазу? – спросила Илия.

– Под ногами вашими стою, поэтому, смотрите куда ступаете, вы цветы аликаты-то раздвиньте и приглянитесь.

Раздвинув цветы под ногами, спутники смогли разглядеть Меню. Зар еле сдержал смех, но тут же постыдился и поклонился хранителю поля. Меня, был старичок, поджарый, не больше мизинца ростом, с шустрыми глазками-бусинками и густой млечной бородой, что стелилась под его ногами. Он в ответ поклонился влахам и улыбнулся, его улыбка несла покой и лад, от которого души трёх друзей наполнились теплотой и воспарили в своём внутреннем полёте, стало легко на сердце, и усталость улетучилась в небесную синь.

– Дедушка, а что делали твои животные и кто они? – спросила Илия.

– Красна-дева, всё поведаю тебе, так как чувствую твоё светлое сердечко и пламенную душу – Илия смутилась, склонилась и присела рядом со старичком, тот, проворно, взобрался к ней на протянутую ладонь и поведал влахам свой рассказ.

– Живу я в этих местах уже пятую сотню лет, ещё мальчуганом был подброшен в эти земли, кто я и откуда – так и не знаю, память со мной сыграла злую шутку, надев «колпак забытья». Знаю только, был я беспомощным худым мальчонкой, без обувки и в лохмотьях, умел говорить, но плакал без остановки, боясь чуждого поля, как прокажённого, без матушки и батюшки в опасном краю, – Меня тяжело вздохнул, прослезился от нахлынувших воспоминаний и продолжил, – Моими спасителями стали животворные цветы, они склонились ко мне и напоили свежей прохладной росой, осыпали пыльцой, сочной и медовой патокой своих соцветий, что наполнила меня внутренней силой. Ночью они меня согревали, днём прятали от хищных птиц и грызунов, они стали моими друзьями и частью моей души, я поклялся всю жизнь жить с ними и хранить от гнуса и напастей. С Хрютиками (так я их назвал) я познакомился чуть позже, они, как и я хранили это поле и цветы, взамен купаясь в их росяной стыне и лакомясь медынной пыльцой. С первого нашего знакомства, я обрёл новых друзей, они напоили мою душу теплотой и светом, катая меня, на своих тёплых спинах, по бескрайнему полю моих грёз, а я смеялся и гоготал, прикасаясь к свободе, несущей внутренние волны лада и покоя. Так приятно вспоминать наши беседы под пурпурными сводами облаков, я ведь их понимал, о чём они похрюкивают, чем хотят удивить или о чём предупредить, – Меня прослезился, воспоминания захватили старичка в свои светлые длани, не желая отпускать, и продолжил, – Я, будто был проводником вечного сине-лилового сияния соцветий аликатов, они были моей душой, а я их. Хрютики помогали аликатам, вырывая глубокие норы, они отпугивали грызунов и мелкунов, а также орошали землю, давая дополнительные подпитки корням растений. Вот такая вот история, друзья мои.

– Счастливей ты, Меня, хоть и одинокий, – молвил, дружественно настроенный, Зар.

– Вот уж не соглашусь, я счастлив как никто. Счастье моё лилового цвета и оно бескрайнее, – улыбнулся старик и потрепал свою бороду.

– А я рада, что мы тебя повстречали на пути, ваш Мир так интересен и приятно, хоть частично, быть вашим гостем, – молвила, смущаясь, дева.

– Так бы и расцеловал по-отцовски тебя, Илия, лучезарная красавица! – слёзы опять брызнули из глаз Меня, – что же я как нерадивый, а ну садитесь, небось жутко устали, перекусить хотите, а у деда всегда найдётся, чем попотчевать своих друзей. А ну хрютики, летите к запасам, да принесите всего, да побольше.

Поросята взмыли ввысь, крылышки на их спинах так быстро заработали, разгоня горячий воздух, что спутники еле успели уследить, в каком направлении они отправились.

– Скоро вернутся, ну а вы, други мои сердечные, что делаете на этом поле, куда держите свой путь?

– Путь наш дальний, Мир Тал – не долгое его пристанище, спешим мы к племени волохов, кто-то из них знает наш дальнейший путь, а там и дальше в другие Миры, – молвил Светозорь.

– К волохам? – дед нахмурился, – ох, даже и не знаю, чем помочь, что подсказать, хитрющие они, да опасные. Держитесь всегда вместе, помогайте друг дружке. Их жрец – жаден до корней своих волос и очень хитёр, понаслышан я о нём, будьте с ним осторожны. Многие племена Тала они пленили смекалкой, да хитростью.

– Ну не впервой с такими сталкиваться, – сказал Зар, – Спасибо за предупреждения.

– Спасибо тебе, Меня, – молвила Илия, и они вместе со Святом снова поклонились старику.

– А вот и хрютики возвращаются, – молвил старик, летающие поросята очень быстро приближались, их крылышки буквально пылали от неудержимой работы.

– Быстро они, скоростные поросята, как бы забавно это ни звучало, – сказал Зар, улыбаясь приближающимся зверюшкам.

– Это да, – улыбнулся Меня в ответ.

Хрютики опустились рядом с избранниками небес, похрюкивая приблизились вплотную. Илия почесала у поросят за ушками, их тела были разгорячены, пылали жаром, как печи, хвостами они держали по небольшой котомке, которые они скинули Мене и подставили ему свои розоватые пяточки. Старик чмокнул хрютиков, те весело замахали крылышками.

– Отдохните сердешные, устали, – молвил дед, – Из-за быстроты работы своих крылышек, хрютики быстро устают, им приходится часто отдыхать, дабы не перегреть свои тела.

– Бедняжки, – молвил Свят.

– Да, ничего, скоро придут в себя, они редко пролетают большие расстояния, – почёсывая хрютику животик, взгромоздясь сверху, молвил Меня.

Старик попросил Илию помочь с котомками, та, с удовольствием, подсобила дедушке, здесь были и загадочные лилово-пурпурные ягоды и грибы-сырычи, и плоды, и фрукты, и сушёная рыбка-чар, (ничего вкуснее влахи пока не едали), и местный медово-пыльцовый квас. Все ели, блаженствуя, ведь было от чего, так вкусны были явства Мени, так они приглянулись влахам. Одну котомку старик приберёт и велел взять влахам с собой, те сначала отказывались, но дед был непреклонен, дабы не обидеть его, путникам пришлось согласиться с Меной.

– Вот ведь в чём ещё странности этого Мира, здешнее светило даже и середины неба не преодолело, а мы уже в пути немало времени, в наших краях бы вечерело, – говорил Светозорь, взирая в небесную высь.

– Это да, кутает свет в свои вязи и не желает отпускать своих друзей, – улыбаясь влахам, восторгался Меня, разводя руками.

– Спасибо, дед Меня, рады были с тобой познакомиться, но путь наш далёк, к вечеру акриловое поле нужно преодолеть, – молвил Свят.

Все спутники низко поклонились старику и поблагодарили за явства.

– Буду скучать, храните друг дружку юные друзья, – сдерживая слёзы, молвил Меня, – Пусть Боги будут благосклонны к вам. Вот от Меня подарочек, – дед протянул Илии забавную фигурку, – Энты свистулька из дерева Лах, оно усыпить может любого, может и выручит вас не раз, дай то Бог обрести того, чего ищите, друзья мои.

– Прощай, Меня, и ещё раз спасибо!

– Прощайте, кто знает, может ещё и встретимся. Счастливого пути!

Илия плакала, да и у Зара со Святом глаза были на мокром месте, но им нужно было спешить. Избранники небес продолжили свой путь по бескрайнему лиловому полю, на поиски новых приключений и обретения тверди духа. Светило лило ржавую медь, теряясь в шёлковых волосах юной девы земли, рождая всё новых детей, дабы сиять вечно в таинственном Мире Тал.

В поле

Белокрылые крыла ало-бурой птицы рассекали насыщенные светом облака, проникая в густую, млечную сочь, черпая их своей волнительной свободой, внутренне тревожной волей. Небесная проседь, давно уже омывалась пурпурной кровью, то была дань срединного Мира Тал в паутине Верхних и Высших Миров.

– Какой беспечный и воздушный полёт. Эта загадочная птица завораживает в своём парении, приглашая в лазурные небесные просторы, – любуясь полётом, молвил Свят.

– Ей там спокойно и безмятежно потому, что рядом нет того, кто бы мог её потревожить, – ровным голосом, с небольшой ухмылкой, сказал Зар.

– Как ты так можешь говорить, друг? Она же прекрасна, так хочется очутиться с ней рядом, познать эти воздушные потоки, испить их и опьянеть до одури от их бескрайности.

– Эта птица, так высоко, но я её чувствую подкожно, совсем рядом, —молвила дева, принимая сторону своего суженного.

– Ну не знаю, моё мнение такого, пусть оно вам и не нравится, – сказал, недовольно, сын ведуна.

– Почему не нравится, мечтательности в тебе мало, – с улыбкой молвил Светозорь.

– Это да, что-то я загрустил, как мы деда Меня покинули.

– Все мы опечалены этим, но возможно ещё встретимся, старик-то хитрец по чём зря словами сорить не будет, да и мне так кажется.

– А вот у меня на сердце легко, эта лёгкость пришла от дедушки Меня, и в душе он всегда со мной, – вставила со слезами на глазах Илия, чуть не расплакавшись, уткнувшись Святу в рукав.

Поле обволакивало, шепталось под ногами, играя молодыми ветрами-юнцами с осиянными волосами влахов. Безбрежное море акрилов убегаю и убегало за кромку горизонта, цепляя вспененных жеребцов небес за злачённые копыта.

– Током по спинам степных кобылиц, – вполголоса сказал Свят.

– Ты о чём, родной?

– Не знаю, Илия, будто песня-змея, обвила эта фраза мой разум, интересно к чему бы это.

– Да, тут каждое слово, как и каждая былинка, несёт свой загадочный лик! – задумываясь, молвил Зар.

– Это что тут бравы загрустили! Али медник потеряли! – расхохотался знакомый глас.

– Ах ты, шут-балагур, сучий дух! А мы тебя уже потеряли, а он, клявдится, тут как тут! —весело, с нескрываемой радостью кричал Зар.

– А мы и впрямь, дружище, тебя затеряли, ну говарь, что видел, где бывал?

– Ага, так и сказал, я вас помучаю немного, ревь-травой по спинам ваших дум похаживаю, чтобы не печалились и бровь не хмурили.

– Родной дух, как мы тебе рады, – молвила молодая дева, – мы тут с Меней подружились, знаешь ли такого?

– Знаю-знаю, слышал-переслышал, хрютики нашептали, – хихикнул Ведом.

– Ты и про них знаешь, хранитель?

– Забидеть хотите, какой бы я тогда был дух-хранитель, я раньше вас с ними познакомился, да и с Меней знался, правда, давно-то было. Как старец живёт, хотя можете не отвечать, по акрилам лиловоглазым вижу, что всё у него ладно.

– Прости, Ведом! – хором сказали влахи и низко поклонились голосу.

– А у Мени всё ладно и складно, хороший он старичок, жалко было с ним расставаться, – вспоминая, молвил Зар.

– Вот и не вешайте носы, что родное – вернётся, что чуждое – сгинет!

– Ой, а это кто? – молвила Илия, улыбаясь.

Через поле, навстречу путникам, бежал со всех ног шустренький маленький зверёк, а за ним остромордый поджарый зверь. Малыш обессилел и задышался, почти налетев на вляхов, сбавил скорость, но более опасаясь врага, бежавшего за ним сзади, юркнул под ноги Илии, спрятавшись, как за двумя твердынями.

Остромордый остановился поодаль, ощерился и оскалился, издал рычаще-мяукающий рык, но не рискнул напасть на трёх более крупных, чем он сам, защитников его почти наступившего обеда. Илия подставила ладонь, зверёк юрко, забрался к ней на плечо и уставился жалобными чернильными глазками. Зверь, понимая, что сегодня обед сумел ускользнуть от его острых зубов, громко рыкнул, махнул на прощание лапой, и побежал прытью в обратном направлении.

Зар со Святом громко рассмеялись, пытаясь прогоготать не только друг другу, но видимо и громогласного воителя Перуна.

– Ну чего вы, хватит, бедняжка ещё больше напугался от вашего смеха, – прикрикнула на них Илия, зверёк прижался к шее девы и начал облизывать шершавым розовым язычком, – ну хватит, малыш, успокойся, никто тебя в обиду не даст.

– Он такой забавный, а тот такой трусливый, что невозможно не рассмеяться, – говорил, утирая нахлынувшие слёзы, Зар.

– Это точно, – подтвердил Свят, – смотрите, как тот смельчак удирает, только пятки мелькают.

– Ну и пусть мелькают, а нашего длинноносика то не должно волновать.

– Нашего длинноносика? А когда это он нашим стал, Илия!? – недоумённо, спросил Светозорь.

– Пару мгновений назад и стал!

– Не ссорьтесь, други мои. Этот зверёк здесь зовётся Мехоносик, так как его длинный носик обрамляет чёрно-белый мех, вроде малой бородки. Мехоносики очень дружные и ласковые, их можно приручить, души их чистые и открытые, надёжнее друзей сложно найти в этом Мире. А тот, кто его преследовал – это полевой Волон, помесь лисицы и Сяра, небольшого здешнего волка. Когда волонов много, они особо опасны, а в одиночку трусливы и жалки, лишь рычать да ворчать умеют, – молвил мягкий и дружественный голос хранителя, – а тебя он полюбил, юная дева, поэтому к тебе и прижался сразу, не отвергай его, он этого не переживёт. Теперь ты ему и мама, и сестра, и защитница.

– Он и впрямь мой, как забавно, – молвила, рассмеявшись, Илия.

– Твой, заботься о нём, и он будет заботиться о тебе, – будто внемля словам духа, мехоносик стал облизывать щёки и лоб своей хозяйки.

Свят подошёл и погладил малыша, тот лизнул влаха и мурлыкнул, – и впрямь дружественный чудик, – хохотнул герой.

– Ну, Вedom, поведай всё же, где же ты пропадал? – спросил сызнова Светозорь.

– Не здесь, далеко от срединного Мира, нам вольным духам для перемещения троп не нужно.

– Значит, не скажешь, лешай-поднебесный? – улыбаясь, спросил Зар.

– Вам пока знать об этом не нужно, рано ещё, но там, где я был, слышаны про ваши подвиги и приключения. Радует их, что вы не пали духом, а стали только твёрже и уверенней в своих деяниях.

– Ага, падёшь тут, когда вокруг, то поляны ехидные, то звери лютые, – насвистывая что-то себе под нос, молвил сын ведуна.

– А вы думали, прогуляетесь по полям, да песни попоёте, и всё само собою уразумеется? – вздохнув, сказал дух и продолжил, – Многие против вас заточили клинки, да готовят армады нежитей, всё ещё только начинается.

– Прости дух, я не про это, мы готовы головы сложить, лишь бы свет да лад царил на нашей и других землях.

– А мне вот, всё, что с нами произошло понравилось, столько всего, да мы чуть дважды не погибли, но сколько новых друзей обрели, а сколько их ещё будет, – молвил Свят.

– Будет, всё будет, и главное, вы к этому готовы!

– Твоя правда, Вedom, – поклонилась голосу Илия, а затем и все друзья.

Небо стало обретать более тёмные цвета, облака меняли свои малые обличия, причудливо сливаясь, образуя набухшие спесивые виноградины, готовые разразиться безумным хохочущим громом, породив ливень, а может и градобой. Позвизд стал плясать в безудержной пляске, подгоняя облачное стадо в густеющую тень грозовой нахмуренной тучи.

– Ого, как тут всё быстро меняется, было тихо, да спокойно, а сейчас...

– Лихо явилось, – перебил ведун, – Сейчас громыхнет, а мы в открытом поле вымокнем до нитки, – прикрикнул Зар, так как налетевший юнец ветер подворовывал их голосами.

– Не вымокнете, вас само поле скроет от надвигающейся стихии, вы же его гости, – молвил Вedom, – прижмитесь ближе к цветам, они их накроют, не дадут промокнуть, Меня защищает своих друзей, – хихикнул дух.

Лиловые головки акрилов обрели форму, будто насытились воздухом, они освободили немного пространство и расступились в две стороны, влахи недолго думая, юркнули под них, прижались к земле, а цветы над головами стали плести таинственный белёсый шатёр. Млечные корни растений поднялись в воздух и стали переплетаться, образуя загадочные паутинки, паутинки распушивались, образуя трепещущую ватную сорочку. Небо громыхнуло в тысячи набатов, оскалила спицы-зубья перекатница – гроза, и шквальным потоком воды обрушились на головы путникам и на паутинное поле танцующих цветов.

– Ой, – вскрикнула Илия, когда первые спицы стали цеплять горизонтную проседь.

– Не пугайся, родная, – Светозорь крепче обнял юную деву и сжал её руку.

– Как из ведра, лютая гроза, а на нас ни капли, а куда же вода девается и земля сухая? – удивляясь, спросил Зар.

– А вот корешки акрилов всю воду прогоняют через себя и глубоко под землёй хранят, там у них подземное озеро, на случаи засухи и худших времен, – пояснил дружественный голос.

– Нет, этот мир мне безумно нравится, – улыбаясь, сказал Зар.

– Чудь на чуди! – хихикнула Илия, а через минуту уже все хохотали, заливаясь гогочущими брызгами, даже Мехоносик резвился, петляя между рук героев.

Ливень набирал обороты, тарабанил дубинками по белёсой крыше, пытаясь вычернить веселящихся друзей, но все его попытки терпели неудачи, разбиваясь о неприступные своды нежных цветов.

– Можете вздремнуть, друзья мои, если сможете под этот гнетущий душу шум. Небо прохудилось надолго, и не скоро Хорс зашьёт его своими золотыми нитями.

– Уснуть под таким громыханием вряд ли кто сможем, – молвила Илия, – ты, Вedom, лучше нам историю расскажи, я вот уверена у тебя их предостаточно.

– Млада, да хитра! – молвил хранитель, – ладно поведаю, чтоб не скучали-печалились, история правдивая, может, не так весела и лучезарна, как искрящий смех Илии, но поучительна и интересна.

«Льются золотые волосы Айнисы, переливаются соцветиями жизни, ветер ими балуется, играет, как шаловливое дитя, а она смеётся и упивается своим смехом, усмехаясь над всеми тяготами, бросая вызов времени, застыв на краю утёса-Мытаря, прозванного так за причудливое обличье своих валунов-перевёртышей. Сердце трепещет на подорванной ниточке света, вот-вот и оборвётся связь, соединяющая этот Мир и ладный Ирий. Совсем недавно она была юной беззаботной девой, тринадцати вёсен от роду, мечтающей о светлом будущем, о безгра-

ничной любви, а теперь её сватают за дряхлого мужчину, в три раза старше её. Отец Айнисы был главой поселения, дабы утрясти все неурядицы с соседствующим племенем Тейсов, нужно было заключить брак его дочери с братом главы Айнора, Синтором. Разница в возрасте не удручала жадного и жестоко отца, для него важнее были новые земли, новая власть и богатство, да и дочка его уже давно невеста. Во всех соседствующих племенах дев выдавали в двенадцать лет отроду и чаще всего не по любви, а на взаимно выгодных условиях. Сердце юной Айнисы было взято в ржаво-медные тиски, в капканы суровой судьбы, но десять дней назад оно снова забилося с необузданной силой, возродившей внутреннюю свободу и безграничную любовь, чувства владели ей и накрывали волнами бушующей жизни. Момент, изменивший её постылое существование, произошёл на берегу моря Спеси, прозванного так из-за частых и беснующихся юнцов ветродувов, но Айниса любила бывать на его берегах, здесь она плакала, общалась с одиночеством и волнующимися волнами, ища внутренний покой, который находила почти всегда.

Когда заря-мать стала пробуждать своих детушек, раскидывая алую медынность небес, дева вышла к побережью, присела на песок и стала молить Богов о спасении своей души. Волны плясали в огненной пляске, ярились сукроватой ржавчиной, и тут она заметила нечто новое, будто кто-то шагал по морю в сторону Утёса-Мытаря, волны то приподнимали, то погружали его тело в жгуче-жаждущие пучины. Решила Айниса проследить за сим чудом, обходя сбоку древние скалы. Спрятавшись за небольшим деревцем, она стала смотреть и вот, что ей открылось:

Небольшой силуэт приближался к берегу, по фигурным очертаниям – это был мальчик, может паренёк лет двенадцати, сначала было сложно понять, ибо он был цвета морской пены, но приближаясь, всё больше обретал телесные цвета. Да, сомнений больше не было – это был молодой паренёк, он был нагим, но не это тревожило душу и тело девы, от него исходило млечное свечение, которое сливалось с лучами утренней денницы и завораживало взгляд. Выйдя на берег, паренёк улыбнулся, Айнисе показалось, что весь Мир обнажил свою доброту в этой улыбке, приоткрыв воскресшие крылатые души. Мальчик стал танцевать, выполняя таинственные, как ей показалось, обрядовые плясы, тело его, то сгибалось, как кусты Деньги (дерева из которого плели короба и корзины близлежащие племена), то разгибалось, руки чертили полукруги в воздухе, пытаясь охватить простор. Танец уводил деву, владел её душой, рождая пылающее пламя любви, любви, которая её осияла тысячами всплесков рождённой зари. Песок под его стопами окрасился в злачённые тона, и ещё некоторое мгновение держался, прежде чем вернулись естественные краски. Любой миг не может быть вечностью, так и чарующий танец закончился, паренёк улыбнулся, наклонился, набрал горсть песка, что-то нашептал и кинул по направлению к морской пене, песчинки развеялись поветрию, и волнующая фигурка стала возвращаться в колыбель переливающихся волн. Вот уже его тело слилось с морской пучиной, отдавшись первозданности, и последняя искра его свечения, больно царапнув пылающее сердце Айнисы, погасла. Дева разрыдалась, но слёзы не несли боль, они пеленали её душу в купину, ниспосланную этим морем Спеси, а для неё морем искренней любви. Каждое раненое утро дева приходила и пряталась за деревцем, ожидая появления своего любимого, пусть он не знал про неё, но она была счастлива и счастье – одаривало её улыбкой жизни. Айниса, наконец-то смогла жить. На седьмой день дева не смогла удержаться и вышла навстречу своему любимому, скинув всё своё одеяние, ибо любовь не имеет одежд. Айниса окликнула, мальчик оглянулся, осветив её долгожданной улыбкой, но тут же поник и стал меняться, цвета стали улечиваться, тело истончаться, он на глазах превращался в световые нити, постепенно исчезая. Она бросилась к нему в попытке ухватить хоть блик этого света, но странник морской глади, исчез, как будто его и не существовало вовсе. Дева кричала и молила простить её, лишь бы увидеть его снова, но более мальчик-светлячок не появлялся у древнего утёса. Она ждала его три утра, но он так и не явил свой взор, сердце её пылало ликами Хорса, прожигая

крылатую душу своими лучами. Айниса потеряла смысл своей жизни, а влачить своё существование с дряхлым старцем не желала и не хотела. Ответ пришёл от небес, на одиннадцатый день после «знакомства» со своим возлюбленным, она бросилась с утёса-Мытаря в сине-зелёные воды моря Спеси. Улыбка освещала её лицо, покой наполнял и владел её душой, обнажая новую жизнь, жизнь со своим любимым, которая у неё будет, обязательно будет, ибо так уготовано ей судьбой...»

– Как грустно, но так спокойно от этой истории, – молвила Илия, утирая прильнувшие слёзы.

– Они же обрели свою любовь и сейчас вместе? – спросил, задумавшись, Зар.

– Всё может быть, – бодрым гласом молвил дух, – Паче любви ничего не бывает сильней, я хочу в это верить и верю.

– Вот, что странно, поведал ты нам довольно грустную историю, но она наши души окрылила! – взирая в светлые очи любимой, молвил Светозорь.

Дождь заканчивался, капли превращались в крапления, ярость утихала; своды прояснялись, лучи скрытого светила стали прочерчивать небесную густоту, прожигая беременную тучу, помогая ей разродиться.

– А небо проясняется, смотрите как красиво! – молвила дева.

– Да, лепь-лепота! – вдохнул полной грудью Свят, пытаясь насытиться волнительным воздухом.

– Скоро в путь, друзья мои! – молвил совсем рядом хранитель, но по голосу был далёк, словно летал в дальних краях.

Облака неслись по бескрайним просторам, прикасаясь гривами к кудрям разродившегося светила, а небольшие туманные облачка, что стелились над головами путников, почти исчезли, отдав дань грозовой туче. Сах набирала свою силу, яростно жаря удаляющиеся фигуры трёх странников и ушастенького зверька Мехоносика.

Цепи и кольца

Скоропея пряталась за поганым камнем, скрутившись в кольцо, наблюдая с вершины за избранниками небес. Все её старания и ловушки не имели особого действия против отважных влахов.

«Вот ведь червивые людишки, ни что их не берёт, и Скалазубы, которых она – Владычица змей, с опасностью для себя, смогла провести через щель в срединном Мире, не помогли. Все хищники пали от этих гнилых личин, им кто-то вечно помогает, а она, скоропея, всегда одна, но обращаться за помощью к Саломету ей не хотелось. Он мог её повергнуть в цепи и кольца Шеола, а то и ещё хуже, уничтожил бы её многочисленных бедняжек детей, которых она недавно породила в близлежащих Мирах. Как же справиться с этими безликими существами, чем приманить их жалкого духа, дабы обезглавить их смекалистость и прыть?» Мысли разрывали тысячи вопросов и ни одного правильного ответа, ужасная головная боль лишь усиливалась от постоянных тягостных дум.

– О, древний хранитель тьмы, Самгун, яви мне свою силу! Направь на праведный путь свою родную сестру, Скоропею! – причитая, взывала в пустоту змея, у скошенных рун поганого камня.

– Чего хотела младшая сестра от своего брата, от которого она отказалась триста столетий назад!

– Ты же знаешь, что у меня не было выбора, если бы не ты познал цепи и кольца Шеола, то они пали бы на головы моему тысячному потомству, а оно этого не заслуживает, – прошипела змея, умоляя своего брата.

– Они и мои родственники, я бы сам пошёл за них в мёртвые земли, но ты обманом заманила меня в них!

– Да, я тварь неблагодарная, в моих венах гнилая чёрная кровь, но молю тебя, защити моих сынов и дочерей, ибо кара Саломета падёт на них, если я не остановлю путников в Срединных землях.

– Зачем ты присягнула древнему жрецу, он же не прощает и не жалуется. Я помогу тебе, не как сестре, а как матери моих многочисленных племянников.

– Спасибо, брат! В твою честь я принесу жертвы в трёх мирах, кровь двух сотен священных животных омоет ноги твоих многочисленных идолов.

– Не нужна мне их кровь, мне вообще от тебя ничего не нужно, я не являю милость, я отдаю родовой долг по отцовской линии.

– Пусть так, животные всё равно лягут на алтарь.

– Посланники небес познают все девять моих проклятий, страшные чудовища и безликие духи будут ниспосланы на них, силы скрытых стихий покажут им свою спесь. Никто из живых не выдержит все девять моих кар.

– У них есть помощник, дух-хранитель, с ним нужно быть осторожным.

– Он дух – бестелесая млечь, он не сможет им помочь, не волнуйся, – громогласил голос рун.

– Благодарю, брат! – прошипела падшая змея.

– Детей своих благодари! – голос затих и растворился в твердыне поганого камня.

«Познаете боль перед смертью, сучьи дети, а я, Скоропея, стану владычицей и хранительницей Ока Саломета».

Паутина вновь порвалась, открыв новые пути армиям, держащим свой путь из Шеола, со стороны цепей и колец. Тал застыл в своих мыслях, ибо многое решалось именно сейчас, многое...

Волохи

Тёмно-зелёные леса Облачных Ветвей хранили множество тайн и секретов, светило часто не достигало земли, из-за густоты и высоты древних деревьев, в чреве лесов обитало много опасных и хищных животных, а единоправными хранителями лесов были волохи. Волохам была присуща природная чуткость, они были умелыми охотниками и хранителями земных недр и небесных высей; из-за царящей в лесах темноты, их глаза приспособились видеть в кромешной тьме, а чутьём они могли соперничать с самыми свирепыми хищниками срединного Мира. В глубинах лесов они обустроивали свои дома, стволы могучих деревьев стали их пристанищем, жили они семьями, но подчинялись «Законам воли». Племенем управляли три главы, наиболее умелые и хитрые охотники входили в их подчинения. Несмотря на трёх глав, особое место в разделении власти и полномочий принадлежало жрецу Сакому. Хитрый и лживый Сакон умел находить решения в любой сложной ситуации, чем и заслужил уважением у глав, хотя сами волохи его не почитали, а некоторые и ненавидели, уж слишком скользким был этот жрец.

Могучие тела волохов пугали гостей своими размерами, их рты были полны кинжалов-зубов. Волохи давно отстранили всех врагов, поставив себя во главе тёмных лесов.

– Тяжко на душе, будто черти беснуются, эти жуткие кошмары опять тревожат меня.

– Ноя, любимая моя, не переживай так, – обняв любимую жену, молвил широкоплечий герой воин-охотник Ансон.

– Ох, чувствую, в наши леса идёт горе и лишь горше становится от этих мыслей.

– Да кто сунется в наши непроходимые леса, не зверьё, так мы их отпугнём. Волохи единственные хранители Облачных ветвей и мы никого не пустим без приглашения, – промяукал-прорычал воин, лизнув мордочку своей жены, – это всего сны, а если нет, я сам перегрызу глотки врагам, насколько бы они не были опасны. Ты же знаешь я не тебя, ни детей, не дам в обиду.

– Знаю и верю тебе, родной мой, любимый мой! – чуть прикусив ушко своего мужа, мяукнула Ноя.

– Мама, папа, помогите! – кричала старшая дочь Антина.

– Быстрее, – взметнув древесную пыль, рванулся в комнату к детишкам Ансон, за ним молнией метнулась Ноя.

Маленький мальчик Китон кричал и плакал во сне, он был мокрым от пота, его трясло. Антина пыталась разбудить его, но он не просыпался, словно был овеян ареалом сна.

Китон родился слепым, и слабым и по законам волохов его должны были умертвить, но Ансон был почитаемым и уважаемым воином, главы племени решили отступить от законов и оставить ребёнка в живых. Однако появляться в среде сверстников ему категорически запрещалось, чтобы не искушать других воинов племени. Ансон был обязан главам и знал, что теперь его семья под особым контролем, а быть кому-то должным он не любил, но примерился ради счастья своей семьи. Воин очень любил свою жену и детей, но не был отличным главой семьи, ибо часто отсутствовал, уходя на охоту или охрану лесных территорий. Малыш часто болел, но видимо, если Боги что-то отнимают, то что-то и даруют, Китон обладал даром предвидения, мог предсказывать погоду и умел понимать язык животных и птиц, а ведь этим даром обладали лишь единицы из воинствующего племени. Не знали родители и того, что жрец Сакон при рождении ребёнка, увидел в древней Чаше Сна огонь, что должен был в будущем поразить Сакона, но не зная, откуда придёт беда и от кого. Сакон не обратил внимания на слабого и слепого ребёнка, увидеть в нём будущего Хранителя Облачных Ветвей было невозможно, что и сохранило маленькому Китону жизнь.

– Успокойся, сынок, мой родной, всё в порядке папа с мамой рядом, – взяв мальчугана на руки, шептал ему отец, тот утих и прижался мордочкой к папиной шее.

– Что тебя так встревожило, Китон, поведай маме, – поглаживая курчавую головку, спросила Ноя.

– Я видел сотни двухголовых летящих змей, они напали на нас, убивая племя и круша всё на своём пути, наше оружие не могло пробить их острые шипообразные спины. Волохи бежали, оставляя горы мёртвых тел своих родных и друзей, они, о-н-и... – мальчик разрыдался на руках своего отца, подрагивая всем телом.

– Опять видения, наградили моего сына Боги великим даром, будь они не ладны, – со злобой в голосе сказал Ансон.

– Не говори так о Богах, они всё слышат, а боль нашего сына – это боль всего нашего народа, – с укором в голосе сказала Ноя.

– Прости, родная, – молвил волох и поцеловал свою жену.

– Не плачь, мой малыш, мы не допустим этого, главное, что мы знаем о надвигающейся угрозе, – качивая своего сына, сказала Ноя.

Истас был главой клана, эта честь к нему перешла от отца, но никакие героические подвиги отца не могли заменить уважение своего народа, которое зарабатывалось потом и кровью, в десятках сражений и битв. Истас был горд тем, что он был волохом, его кровь была горяча, как внутреннее пламя Саха. Яростный взгляд, мощный торс и непреломлённая сила отличала славного героя, но при всём при этом Истас обладал интуицией и расчётливостью, часто предвидя сложные ситуации и пути их решения.

– Я видел их в поле, они приближаются к нашим лесным тропам, – говорил раскатно, не прерываясь, воин, начальник внешней стражи Аннель.

– Пока ничего не делать, просто наблюдать, как войдут в наши владения увеличь надзирающих и следящих, – молвил спокойным голосом Истас, – Они наши гости, и мы должны быть дружелюбно настроенными и гостеприимными.

– Как велено, так и будет сделано, – подняв руку вверх, Аннель откланялся.

Истас задумался, вроде бы путники не представляли особой опасности, для волохов они были хиловаты, да и было их всего-то трое, одна из них была юная дева, что вызывало лишь усмешку у великого героя. Всё же он решил собрать вечером совет старейшин, где все трое глав племени и жрец поделятся своими мыслями о судьбах избранников небес. Истас не исключал и знал, что не сила главенствует в любой битве, а смекалка и ум, да и мало ли, вдруг, гости – древние маги, а чары их безмерны.

– И что же ищет горстка людей в бескрайних и густых лесах Облачных Ветвей, – с несокрушимой силой глава опустил свой кулак на прочный деревянный стол, тот от напора треснул почти пополам, обнажив зазубренные края, будто ощерившись на Истаса.

– Так значит не зря меня сегодня ночью мучили кошмары, все эти полчища чёрных крыс, – сказал жрец, прислонившись к чучело Базуского медведя, – спасибо, Анкор, ты мудрый воин, – Сакон бросил кешу (шапку из меха Растории, очень дорогостоящий подарок) к ногам стража, – сообщай мне все сведения о продвижении гостей, держи меня в курсе дел.

Анкор поклонился низко жрецу и откланялся, оставив того в чудесном расположении духа. Теперь был новый шанс выйти сухим из воды, сославшись на мор и чар, что косили ряды молодых дев, которых Сакон лечил своими снадобьями и грибами, а по сути, он овладевал

младыми девами, туманя их сознание, заражая мужской болезнью, носителем которой он был. И вроде всё шло неплохо, но одна юная волохиня не сморилась его отварами, когда он хотел овладеть ей, очнулась и закричала. Сакону, дабы сохранить свою тайну пришлось умертвить деву. После этого случая многие волохи негодовали и требовали расправы над искусителем – жрецом, не веря в его домыслы о чуждой болезни и помешательстве безумной девчухи. Двое из трёх глав встали на сторону своего народа, Сакон опасался, что и последний глава Аритон примет сторону племени, не смотря на то, что сам Сакон поспособствовал его главенству, и тогда роль жреца будет предрешена. Долгожданные гости должны были вернуть жрецу былое доверие, хотя бы со стороны жрецов, если не народа, у него уже был план по осквернению чистоты помыслов вlahов.

– Ну и что ты думаешь обо всём этом, Тартор? – спросил Сакон, из-за занавесей вышел волох среднего телосложения, с хитрым прищуром глаз.

– Что это твоё спасение, дядя, ибо ты зашёл уж слишком далеко в своих развратных помыслах.

– Это наше спасение, дурень, или ты думаешь, что если тебя интересуют не юные девы, а молодые юнцы, то проживёшь ты на мгновение дольше меня?! Не тешь себя надеждами! – прикрикнул жрец, наступая на племянника.

– Я же просто пошутил, прости! Не думал, что на тебя так действуют шутки.

– Тем и лучше, теперь будешь знать, щенок! После смерти твоего дрянного папаши, я стал твоим отцом, и мне ты обязан тем, что ещё дышишь этим воздухом, – утверждающе провозгласил Сакон, – Ты что-то хотел от меня, насколько я понимаю?

– Да, дядя, не сочти мою просьбу слишком эм-мм-м. Вообще, мне нравится юный двенадцатилетний сын одного из твоих воинов, ты бы не мог поучаствовать в нашем сближении, – ласковым извиняющимся тоном молвил Тартор.

– Ты совсем сдурел али враль-травы объелся, конечно же, нет. Мне надоело способствовать твоим связям с юными воинами, как у тебя только язык не отсохнет, поди с моих глаз мерзкий червь, – жрец запустил левым поручей (обувкой) в сторону племянника, тому в спешке пришлось откланяться.

– Ну что за гад, свалился же на мою голову и пользуется своим родством, – глубоко вздохнув, молвил жрец, разведя руки в стороны.

Сакон подошёл к двери, попросил охранника сообщить Аритону, чтобы он к нему зашёл на разговор. Власть над третьим главой ещё не угасла, как остывшие угли костра, нужно было сегодня всё решить, дабы завтра не решилась участь жреца. Попасть под гнев народа, что может быть хуже, они раздерут его на сотни частей, даже не задумавшись о последствиях, ни проронив слезинки, связанной с его кончиной. Сакон считал себя достоянием народа, и его «малые шалости» волохи могли бы и простить, ну да, он убил девчонку, мерзкую девчонку, которая его успела напоследок укусить, да заразил ещё семь дев, но ведь он же способствовал завоеванию всего леса Облачных Ветвей, сделав волохов единоличными правителями. Опять все надежды на лучшее будущее зависели от его изворотливого ума и хитрости, ну не в первый раз, Сакон выкрутится, всегда выкручивался.

Аритон зашёл в покои к жрецу, оглядел окружающую обстановку, налил себе из кринки таке (настойку хмарь-травы) и уже почти поднёс к губам, когда появился озлоблённый Сакон.

– Здравствуй, мой дорогой, друг! Что-то ты перестал навещать ко мне, раньше было по иному, не обидел ли я тебя чем-нибудь? – приглашая к столу, молвил, ехидно, жрец.

– Дел много, времени же мало, я прекрасно помню, чем тебе обязан, Сакон, – волох поставил таке, так и не попробовав пьянящий напиток, – Но я не могу тебе помочь, то, что случилось на днях – это же ужасающе, она же девочка, а ты её убил, ты разрушил её Мир, опорочил её душу, да ты... – стукнув с силой по столу, Аритон уставился в безумные ядовитые вежды жреца.

– Что я, любезный друг?! Я тот, кто наградил твою мелкую душу властью, которой ты не заслуживал и никогда не заслужишь, потому что ты – трус, жалкий червяк и ты не посмеешь... – наступая на главу, почти рычал жрец, – уйду я, уйдёшь и ты, я утяну тебя за собой на тот свет, которого ты боишься куда больше меня. Так что заткни свой клыкастый рот и подумай, как нам выйти из этого вороха проблем, а совесть свою спрячь поглубже, проявилась она у него, – Сакон смачно плюнул на пол, подойдя вплотную к Аритону, тот был почти вдвое крупнее жреца, но угомонился и склонил голову, – то-то же, мы выберемся из этого омута, обещаю.

– Прости, великий жрец, но как мне поступить на совете?

– Никак, ты не пойдёшь, а без третьего главы решение не будет принято, – искря лживой улыбкой, прошипел Сакон.

– Как так не пойду, по какой причине? – удивлённо спросил волох.

– По причине острых болей в животе, связанных с отравлением, – жрец протянул главе мешочек с тёмным порошком, – вот возьми, растворишь у себя в покоях в воде или таке, выпьешь большими глотками, ибо вкус отвратительный, может всё назад горлом выйти. Всё понятно.

– Понятно, да, хитрость ты выкрал у блудливой Пустодомки, – улыбнулся язвительно жрецу, Аритон.

– Ага, когда она в болоте своём дрёмалась, – оба рассмеялись, обнажив клыкастые кошачьи зубы.

Сакон посмотрел на Аритона в упор, тот не выдержал и отвёл взгляд, как бы изучая стенные росписи в угрюмой комнате жреца, хотя знал их, как густые и дремучие леса Тала.

– Ну, иди, родной друг, – обнял жрец главу, – не забудь, как придёшь к себе, выпить порошок. Прощай!

Как только двери закрылись за спиной волоха, глаза Сакона наполнились яростью и злобой, когтями он расчертил стол, оставив четыре глубокие полосы. «Ты ещё своё получишь, глупый трусливый раб, придёт время, и ты падёшь от моего гнева». Если бы кто-то сейчас увидел улыбку жреца, он бы решил, что тем овладели чуждые силы, сковав его разум и тело; тьма царила в каждой клетке льстивого волоха, даруя ему власть цепей и колец Шеола, власть, которая знала на кого направить свой огненный взгляд.

Новая битва

Поле дышало, после необузданного ливня, насыщая воздух живительной силой небес. Сах щекотала лиловые уста акрилов, целовала их в порыве жгучей страсти. Путники шли и посмеявались, радуясь каждому мгновению, проведённому в этом Мире, мехоносик шустренько бежал впереди Илии, помахивая мохнатеньким хвостиком, приносившаяся к проносящемуся аромату божественных цветов.

– Воздух такой чистый, словно эта гроза даровала ему спасение, а его крылатые ветра обрели новое медынно-злачённое оперение, – молвила дева, улыбаясь светилу.

– Паче нашей травы после летних грозных рек! – восхищаясь, произнёс Зар.

– Вот эти слова мне нравятся, близость и родство – свойственность всех Миров на светлой стороне паутины, – молвил хранитель.

– А это ещё что такое? – Светозорь показал по направлению к тёмному лесу, все посмотрели, даже Мехоносик наострил ушки, и тут же прижался к ноге своей хозяйки, запищав.

На пути к лесу появилась мёртвенно-чёрная туманность, что одновременно притягивала и отталкивала. В глубинах этой мрачной топи проскочили искры, и тут же из её недр стали появляться странные существа, количество которых с каждым мгновением росло, моргнул Свят и вместо пяти существ возникло восемь, затем двенадцать. Когда существа открыли рты, они были полны жутких червеобразных отростков, внутри которых искрились стальные зубья-зубы, их мощные торсы были покрыты буро-серым мехом, а острые когти стали яростно царапать близлежащие стволы деревьев. Хищники оскалились и приготовились к атаке, двенадцать против трёх, шансы были явно не равны; серп-мечи моментально возникли в руках Зара и Свята, а Илия достала метательные ножи.

– Да что же это за напасть опять? – вскрикнул Вedom.

– Справимся, не в первый раз, да и они без непробиваемых щетин на коже. Зар, беги за моей спиной, как первые твари прыгнут в мою сторону, я нагнусь, ты их бей со всего маху, а дальше по ситуации. Ты, Илия, чуть поодаль бросай ножи в ноги хищникам. Пусть Боги хранят нас! Вперёд! – с яростным кличем побежали герои в пасть новой смертельной битвы.

Хищникам не нужны были клики или возгласы, ими владела тьма, крошечная пустота ледяных глубин Нгароса. Первый бросившийся зверь не пробежал и трети разделяющего пути, как пал, подняв столб пыли, в его передних лапах торчали ножи, вызывая безумную боль. Следующий увернулся в прыжке, уйдя от острых спиц-молний, ещё двоих дева смогла подрубить, как молодые древокусты, остальные всё ближе и ближе приближались к воинам. Разъярённый хищник, готовый разорвать грудь Свята в клочья, прыгнул, но влах, мгновением раньше, нагнулся. Готовый к врагу Зар, поднял серп-меч над головой, и стальной месяц погрузился в грудную клетку, проткнув сердце одержимого животного, освободив неприкаянную душу. Следующему хищнику повезло, он смог увильнуться, меч резанул воздух, тварь застыла на небольшом расстоянии от влаха. Время, как сбитое молоко, в котором вязла лягушка-жизнь, борясь за своё существование, оно – это время, собиралось насладиться каждым мигмом жестокой и кровопролитной бойни. Светозорь был в окружении трёх хищников, которые, рыча и сбивая пыль, глотали свою спесь, готовые к любой ошибке юного героя. Первая тварь в прыжке пыталась решить участь влаха, зубы лязгнули рядом с шеей, ветер-смерти остудил напряжённую кожу избранника. Свят успел направить искривлённый меч и рассечь брюхо надвигающейся сверху угрозе. Второй почти вцепился в икру героя, но вовремя пущенный нож угодил в глаз существу, которое пыталось лапой сбить оружие, недолго думая, влах нанёс сокрушительный удар, раскроив череп безумной бестии. Третий хищник, видя уравнившиеся шансы, попытался убежать, но был настигнут брошенным мечом воина, остриё почти на треть вошло в бок, хлынула горячая кровь. Подбежавший Свят рванул меч на себя, а затем рассёк им горло

раненого животного. Зар медлил, возможно единственный раз в своей жизни, это и спасло его, ибо пока ощерившаяся тварь готовилась слиться в пылающем жаре схватки, вторая обходила сбоку. Почти одновременно оба хищника прыгнули на героя, от неожиданности влах просто сел, над его головой два существа столкнулись и пали в траву, не дав им прийти в себя, он с быстротой молнии ринулся к ним, прикончив сначала одного, а затем и второго хищника. На подходе был ещё один, он наблюдал в отдалении, ожидая, что всю сложную работу сделают его собратья, но вышло не совсем так. Хищник прыгнул со спины, влах едва успел поднять руку, как жалающие крючья зубов вонзились в неё, Зар взревел от боли, но и боль дала ему силы. Взбесившись, он пнул тварь под низ живота, моля Бога, чтобы это был самец, хищник отпустил руку и взвыл, катаясь по лиловым цветам, и лишь опустив меч на хребет существа в шестой раз, влах успокоился, рядом лежало почти пополам перерубленное тело нежити. Осмотревшись, Зар увидел, как Илия со Святом добивают трёх обезноженных ранее хищников, помощь им не требовалась, раненые животные вместо того, чтобы объединиться, стали ползти в отдалении друг от друга, по направлению к лесу. Влах присел и осмотрел свои раны, да она сильно кровоточила, но ранки были неглубокие, хотя и болезненные. Зар вздохнул и окрикнул Свята, предложив помощь, тот отмахнулся, отпустив окровавленное лезвие на голову десятого хищника. Оставалось двое, обе твари застыли у чёрной зияющей бездны, даже не пытаясь приблизиться к избранникам небес, наблюдая за смертью своих соратников издали. Светозорь и Илия поспешили к Зару, вид крови на его руке их не радовал, дева помогла ведуну, перетянув платком пораненую руку.

– Ну и какого лешего они там застыли? – вставил Зар, потирая саднящую руку.

– Ваша прыть впечатляет, избранники небес! Я бы не советовал подходить к этой туманности, чернота ничего хорошего не обещает, – молвил Ведом.

– У нас нет выбора, нам нужно идти к тёмному лесу, – сказал Свят, взяв Илию за руку, – И я не сомневаюсь, что обходя поле, за нами не увяжется эта мёртвая туманность.

– Зар, как твоя рука? – сочувствующе молвила дева, перетягивая больную руку.

– Лучше, чем покалеченная в схватке с ядозубами, раны небольшие – быстро затянутся.

Хищники издали протяжный рык, как бы приглашая своих гостей вступить на их новые территории, небольшие грозовые всполохи чертили загадочные руны в глубинах чёрного око зла. Влахи о чём-то переговаривались, затем Илия с Заром направились в сторону леса, Свят же стал обходить слева странное туманное вкрапление небес.

«Вот чёртовы твари, чего они ожидают, какие силы им бросили вызов?» – настороженные мысли перешёптывались в голове Светозоря, шипя и кусая полевыми гадюками потревоженный разум героя.

– Тебе страшно, Илия?

– Да, я безумно боюсь, чернота меня всегда пугала, – с дрожью в голосе сказала дева, сердце её бешено колотилось, отстукивая каждое мгновение срединного Мира.

– Что бы нас там не ожидало, держись позади меня, так будет безопасней, а твоя жизнь, как и жизнь Свята, для меня важнее своей, – взяв за руку, приободрил любимую влах.

Когда герои оказались совсем рядом с грозово-туманным оком, из него посыпались сотни искр, опаяя бурую лесную землю, а затем стало появляться существо, безумно испугавшее их, породив крик ужаса у Илии. Тварь появлялась постепенно, вываливаясь из черноты, будто дитё, пробивалась к свету, разрывая туманную плаценту реальности. Громадный пурпурно-алый шар завис на небольшом расстоянии от земли, сотни кнутообразных щупалец высунулись почти из каждой поры этого существа, приоткрылся громадный рот, обнажив три розовых языка, языки напоминали фигуры молодых обнажённых дев, что танцевали пылающий танец смерти.

– Что за демонское отродье, откуда только такие берутся?! – вытаскивая острый меч, крикнул Зар.

– Боже мой... – молвила полушёпотом Илия.

Ужасная тварь полетела по направлению к влахам, ломая молодые деревья и выворачивая трухлявые пни, своими заострёнными кнутами-щупальцами. Первые кнуты были срублены резкими ударами, остриё покрывалось вязкой чёрной кровью твари, которая была слишком густа и наслаивалась на мече. Щупалец было очень много, Зар яростно махал, но казалось, им нет конца, несколько кнутов пытались свалить героя, целясь в ноги, но меткая дева прерывала их путь заострёнными ножами. Подоспевший сзади Свят, собрав всю волю в кулак, ринулся на тварь, не замечая десятки щупалец, он рубил их и сёк, оставляя кровавые обрубки, утопая в чёрной слизи, пытаясь достать до шарообразного тела нежити. Девы во рту существа раскрылись и из них полетели огненные факелы, направленные на уставшего Зара, дух вовремя успел окликнуть героя, тот чудом смог увернуться от верной гибели, огонь поразил ближайшее дерево, которое мгновенно вспыхнуло, обжигая пышущим жаром маленького Мехоносика, что прятался за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.